

МАРИЯ РОСС

НЕВОЗМОЖНЫЙ ОБЪЕКТ

Мария Росс

Невозможный объект

«Автор»

2026

Росс М.

Невозможный объект / М. Росс — «Автор», 2026

Пять целых две десятых секунды исчезают с записи лабораторной камеры. После них на платформе появляется чёрный многогранник-объект, который видят люди, но не фиксируют камеры. Он весит по-разному для разных приборов, а его тень превращается в коридор, уходящий сквозь глухую стену станции. Для инженера Ирины Вей это должно быть всего лишь очередной задачей, которую можно разложить на измерения, цифры и проверки. Но аномалия оказывается связана с закрытым много лет назад проектом «Тессера» и с исчезновением человека, память о котором у Ирины почему-то сохранилась лишь обрывками. Тем временем станция готовится запустить орбитальный щит, от которого зависят восемнадцать тысяч человек. Остановить реактор нельзя. Игнорировать происходящее тоже. Чтобы понять, что скрывается за невозможной геометрией, Ирине придётся разобраться не только в законах пространства, но и в собственном прошлом. Обложка: изображение, созданное ИИ (лицензия).

© Росс М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пустое место на снимке	5
Верёвка, ушедшая в стену	13
Знак на чёрном металле	20
Срок до сияния	29
Болт из потерянного кольца	36
Три несовпадающих показания	44
Голос из закрытого канала	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Мария Росс

Невозможный объект

Пустое место на снимке

— Сдвинь второй кадр на метку шины, не на часы.

Тарен Сол придержал плечом открытую сервисную панель. За его спиной ровно гудел вентиляционный канал. В привычном шуме запуск реакторного контура почти затерялся: коротко щёлкнуло реле, дрогнула лампа — и снова стало тихо. На настенном табло горело 08:10:14.

Ирина Вей подвинула изображения двумя пальцами. На левом была оптическая лаборатория до запуска: стол с калибровочной платформой, белая разметка на полу, закрытый шкаф у дальней стены. На правом — та же комната несколькими мгновениями позже. Свет не изменился, стол остался на месте. Между кадрами будто не было ничего, кроме узкой полосы пустого времени.

— Метки совпадают, — сказал Тарен. — Контур вышел на режим в 08:10:02.

— Вижу.

— Тогда сообщи, что он не развалил твою аппаратуру.

— Когда закончу проверку.

Ирина не отрывала взгляда от снимков, прокручивая временную шкалу. Так было проще держать разговор в пределах цифр. Тарен не обижался на её тон — или давно решил, что не обижается. Он возился с датчиком перепада давления в дверном проёме, хотя тот уже трижды показал норму. Слишком близко, чтобы назвать это случайностью, и достаточно далеко, чтобы не мешать.

На нижнем краю второго снимка тянулась тень. Она начиналась у платформы и пересекала пол почти до противоположной стены. Ирина приблизила изображение, сверилась с разметкой, вернула прежний масштаб.

— Что это? — спросил Тарен.

— Тень.

— На столе пусто.

— На снимке — да.

Он быстро взглянул через плечо. От панели до платформы было шесть шагов. Тарен не пошёл.

Ирина раскрыла метаданные. Камера снимала со скоростью шестьдесят кадров в секунду. В журнале перед запуском контура значился кадр 29011. Следующая запись начиналась с 29324.

Она повторно нажала на строку, словно цифры могли измениться от нажима.

— Здесь пропущено пять целых две десятых секунды.

— Потеря кадров?

— Триста двенадцать кадров. Между отметками разрыв.

Тарен выпрямился. Сервисная панель тихо захлопнулась у него за рукой.

— Камера перезапускалась?

— В журнале питания чисто.

— Проверяй не журнал камеры. Я смотрю шину.

Он подключился к станции, и его голос зазвучал у Ирины в наушнике. На экране появились два графика: общий тактовый сигнал станции и метка запуска контура. Линии шли ровно,

без провалов. Датчики лаборатории не теряли питание. Температура держалась на двадцати одной целой восьми десятых, давление, освещение и вибрация пола оставались в норме.

Пять секунд исчезли только с записи оптической камеры.

— В журнале станции времени не пропущено, — сказал Тарен. — Ни одного импульса.

Ирина провела пальцем по шкале. За пять секунд на станции успели бы мигнуть индикаторы, сдвинуться воздух в решётке, дрогнуть отражение на стекле. На снимках не было следа ни одной перемены. Только «до» и «после».

Она снова посмотрела на второй кадр.

— Увеличь тень.

Изображение развернулось на весь экран. Это было не пятно и не обычная тень от оборудования. Два ровных края сходились у платформы и расходились к стене, словно линии перспективы. Внутри темнота меняла плотность: у платформы почти сплошная, дальше — будто серый пол уходил в глубину. На самом краю угадывался прямоугольник, похожий на проём.

Ирина обвела пальцем геометрию. Тёмная граница пересекала белую отметку пола, шла через стык панелей и обрывалась у сплошной переборки.

— От потолочного светильника такого быть не может, — сказал Тарен.

— Знаю.

Она проверила освещение. Все шесть потолочных панелей работали штатно; ни одна не меняла яркость в момент запуска. Угол падения света не соответствовал направлению тени. На плане лаборатории не было ни коридора, ни ниши — даже кабельного лотка, который мог бы дать такую перспективу. За стеной располагался технический отсек, отделённый герметичной переборкой.

Тарен вернулся в дверной проём.

— Контур снаружи проверил. Импульсного провала нет. Повторим снимок ручной камерой?

— Сначала живой поток.

Он протянул ей небольшую переносную камеру. Ирина навела объектив на платформу и вывела изображение на терминал.

Лаборатория была пуста. Платформа, разметка, стол, белая стена — и тёмная полоса, уходившая к переборке.

Ирина подняла взгляд поверх камеры. Вживую тень лежала там же.

Внутри неё не было пола. Вернее, пол мог быть, но взгляд не цеплялся за его поверхность: темнота уводила линии стыков дальше, чем позволяли размеры комнаты. Две длинные границы складывались в стены, прямоугольник у переборки — в проём. Не рисунок, а возможность пройти.

— Камера не видит объект, — сказала Ирина.

— Какой объект?

Она опустила камеру.

На калибровочной платформе, в месте, которое на снимках оставалось пустым, стоял чёрный многогранник.

Ирина замерла. Ещё мгновение назад платформа была свободна. Она проверила изображение на терминале, будто камера могла сейчас передумать, затем снова посмотрела на объект. Неровный ряд граней поглощал свет: на его поверхности не отражались ни потолочные панели, ни белая разметка. Многогранник был меньше собственной тени, но вовсе не игрушечный. Если бы он стоял на полу, вершина доходила бы ей примерно до колена.

— Тарен.

Он уже направлялся к платформе.

— Вижу.

В его лице не было ни страха, ни открытого изумления — лишь настороженность человека, которому показали трещину в корпусе и пока не сказали, где она заканчивается.

— Глазами видишь?

— Да.

— На камере?

— Нет.

Он взял у неё переносную камеру, проверил фокус и направил объектив на платформу. На экране по-прежнему виднелась пустая поверхность, пересечённая тенью. Тарен сменил режим, увеличил чувствительность.

— Ничего.

— Не трогай платформу.

— Не собирался.

— Датчики под ней тоже пока не трогай. Сначала считывание.

Ирина вывела показатели силовой ячейки. Под платформой стоял калиброванный датчик нагрузки, обычно применявшийся для проверки положения оптики. Он показывал 6,42 килограмма. Инерционный сканер ручного измерительного модуля выдавал 31,7. Гравиметрическая оценка станции — ноль.

— Три показания, — заметил Тарен.

— Три прибора.

— Проверь ноль.

Она сняла с платформы калибровочные грузы. Силовая ячейка и инерционный сканер отработали штатно: оба показали пять килограммов, станция — те же пять с погрешностью в сотые. Ирина вернула грузы на место, а затем снова убрала. Пустая платформа восстановила нулевые значения.

Когда она поставила рядом с многогранником эталонный груз, показание силовой ячейки поднялось до 11,42. Стоило убрать груз, вернулись прежние 6,42.

— Объект давит на платформу, как будто весит шесть и сорок две, — сказала Ирина.

— Инерционный модуль считает иначе.

— А гравиметр его не замечает.

Она закрыла вкладки. В голове оставались форма многогранника и чернильная полоса тени. Ирина мысленно поворачивала объект, совмещала его рёбра с направлением световых панелей. Тень не ложилась так ни при одном положении. Даже если предположить полость внутри, зеркальную грань или скрытый источник света, тёмный коридор всё равно должен был начинаться иначе и сужаться к противоположной стене.

— Нужны размеры, — сказала она.

— Нужен безопасный захват.

— Никто его не будет захватывать.

Тарен взглянул на неё.

— Пока.

Ирина открыла ящик с ручными инструментами и достала механический кронциркуль — без лазера, памяти и связи со станцией. Осторожно подвела губки к двум вершинам одной грани. Металл коснулся поверхности. Тонкая шкала остановилась на отметке двести десять миллиметров.

Она отняла кронциркуль, проверила его на эталонном кольце и повторила измерение.

Снова 210.

Другую грань — тот же результат. Ещё одну. И ещё.

— Рёбра равные.

— Сколько проверила?

— Четыре.

— Проверь пятое.

Она проверила. Шкала не сдвинулась.

Хотя бы здесь пространство оставалось послушным. Длина ребра не менялась от того, верила она в объект или нет. Двадцать один сантиметр — простая величина, которую можно удержать между большим и указательным пальцами.

Ирина отпустила кронциркуль. Металл звякнул о край ящика.

На старом корпусе оптической установки сохранилась выцветшая маркировка проекта «Тессера». Ирина знала эту конструкцию; двенадцать лет назад она вместе с коллегами подбирала для неё систему координат. Память лучше удерживала схемы, чем лица. Хуже всего в ней сохранился тот день, когда проект закрыли и исчез Антон. В её собственном воспоминании о нём зиял провал — без края и дна.

Она отвела взгляд от маркировки.

— Проверю, меняется ли тень при другом освещении.

— Не заходи внутрь неё.

— Не собиралась.

Тарен не ответил. Он снял с пояса рабочую лампу, включил её и провёл лучом по платформе. Тень не дрогнула. Свет пересёк край тёмной области, но не высветил в ней ни блика, ни участка пола. Тарен выключил лампу, затем поднял руку, заслоняя одну из потолочных панелей. Ничего не изменилось.

— Может, слой на полу. Проекция. Сбой текстуры в камере.

— Живая тень совпадает с записью.

— Значит, сбой не только в камере.

— Не называй это сбоем, пока не найдёшь причину.

— А ты не называй это коридором.

Ирина вновь посмотрела на темноту, пересекавшую лабораторию. У дальнего края прямоугольник будто уходил за переборку, хотя стена оставалась гладкой, без шва и дверной линии. Геометрия пространства складывалась в голове сама собой: платформа, четыре метра до стены, полтора до боковой разметки. Тень нарушала эти расстояния. Не искажала их — подменяла. Если представить её планом, проход начинался у многогранника и уходил вглубь под углом, которому в этой комнате неоткуда было взяться.

— Между платформой и стеной четыре метра восемьдесят, — сказала Ирина. — Тень даёт шесть и три.

Тарен проследил за линиями разметки.

— С какого края?

— С обоих, если считать её коридором.

— А если не считать?

— Тогда это область, где видимая поверхность пола не совпадает с настоящей.

Тарен снял перчатку и провёл ладонью по белой панели рядом с тёмной полосой. Стена была гладкой и тёплой. На ней не возникло ни проекции, ни тени. Он шагнул в сторону, проверяя, изменится ли картина с другого угла. Тёмные границы остались на месте.

— Не хочу, чтобы ты стояла рядом с этой штукой без страховки.

— Я не рядом.

— Три шага.

— Это не рядом.

— Когда у тебя появляются точные цифры, ты забываешь, что пол им ничего не должен.

Ирина подняла на него глаза. В его голосе не было упрёка — только жёсткость спасателя, который видит, как человек заносит ногу за ограждение. Тарен первым замечал то, что может обрушиться: перегородку, шлюз, чужое решение. Ирина — то, что не сходится.

— Измерю расстояние от края.

— Сначала поставим метки.

Он принёс из ниши рулетку и два низких световых маркера. Один положил у границы тени, второй — возле белой линии разметки. Оба мигали одинаковым жёлтым светом. Камера чётко отображала маркеры; многогранника на изображении по-прежнему не было.

Тарен присел, сравнивая границу темноты со шкалой на полу.

— Линия проходит через маркер.

— Не проходит. В восьми миллиметрах от него.

Он посмотрел на неё так, словно именно это расхождение беспокоило его сильнее, чем следовало.

— Видишь с такой высоты?

— Да.

Тарен поднялся. Ирина удерживала в уме обе поверхности сразу: план лаборатории и пространство, которое тень предлагала вместо него. Обычно это помогало работать быстрее. Сейчас она различала слишком многое. Линия проходила не рядом с маркером — она пересекала то место, где тот должен был бы стоять, если бы у пола был другой угол.

— Отойдём и подождём Восс, — сказал Тарен.

— Она на реакторе.

— Там ей и место.

— Станция не потеряла питание. Температура стабильна. Пока проблема в оптической лаборатории.

— Ты не знаешь, где она заканчивается.

Ирина промолчала. На панели возле двери горело расписание подготовки орбитального щита. До запуска на четвёртый день оставалось несколько суток. Восемнадцать тысяч жителей Нового Арала зависели от того, чтобы контур прошёл все проверки и станция удержала заданную орбиту. Восс не потерпела бы неизвестности — и тем более не обрадовалась бы отсрочке из-за непонятной тени. Тарен это знал. Ирина тоже.

— Отключать контур без причины не будем, — сказала она. — Сначала проверим, связан ли он с тем, что здесь происходит.

— Ты говоришь так, будто ответ обязательно появится на экране.

— Иногда появляется.

Он коротко выдохнул, но спорить не стал. Подошёл к платформе и потянулся к корпусу прибора.

— Не трогай, — резко сказала Ирина.

Его рука остановилась.

— Я только крепление посмотрю.

— Сначала снимем показания в режиме изоляции.

Она перевела платформу в режим изоляции. Значение 6,42 исчезло, затем вернулось — без изменений. Инерционный сканер продолжал показывать 31,7. Гравиметр — ноль. Система не зарегистрировала сбоя, хотя три измерительных канала противоречили друг другу.

Ирина переписала цифры в журнал от руки.

— Бумаге доверяешь больше, чем станции? — спросил Тарен.

— Тому, что не меняется при перезагрузке.

— Бумага тоже меняется. Мокнет, горит, теряется.

— Тогда сохраню ещё одну копию.

Он посмотрел на её записи. Рядом с числами она набросала схему платформы и направление тени. Линии были уверенными; только последняя слегка дрогнула, будто карандаш зацепился за волокно листа.

— У тебя рука дрожит, — сказал Тарен.

Ирина сильнее сжала карандаш.

- Вентиляция дует.
- Вентиляция выше.
- Значит, ошиблась с направлением.

Он ничего не ответил. Обычно Тарен умел ждать, не превращая молчание в давление. Сейчас оно звучало хуже возражений.

Ирина вернулась к снимкам. Камера зафиксировала тень сразу после пропущенных кадров. Стол пуст, изображение пола целое. Длинный коридор уже был там. Он возник в те секунды, которых не было на записи. Или камера потеряла их именно потому, что коридор появился. Ни одна версия не объясняла, почему теперь на платформе стоял объект, невидимый всем камерам.

Она увеличила дальний конец тени. Изображение не распадалось на шум, не теряло чёткости. Там, где оно должно было упереться в стену, казалось, что оно продолжается за ней.

- Тарен, загрузи план внешней переборки.
- Сейчас.

На схеме проступил отсек за лабораторией: прямоугольное помещение с коммуникационными трассами, двумя герметичными люками и трубой охлаждения. Прохода в направлении, куда уходила тень, там не было.

- Переборка двойная, — сказал Тарен. — Между ней и отсеком триста миллиметров.
- Тень уходит дальше.
- В стену?
- По видимой геометрии — да.
- Это если считать её обычной тенью.
- По плану стена обычная.

Тарен запустил сканирование толщины. На экране пошёл ровный профиль: металл, теплоизоляция, сервисный зазор. Ни пустот, ни полостей. Он посмотрел на показания, затем на тёмный проход.

- Ничего.
- Вижу.
- Стена целая.
- Вижу.
- Хватит повторять за мной.
- Тогда не повторяй то, что уже на экране.

На миг между ними возникла почти привычная ссора, в которой можно было прятаться за интонацией и не смотреть на то, что обоих напугало. Тарен качнул головой и убрал сканер.

- Проверю датчики в шлюзе. Останусь на связи. К краю не подходи.
- Мне нужна линейка.
- Возьми с пола. В тень не наступай.

Он вышел в сервисный коридор, оставив дверь приоткрытой. Его шаги удалились и замерли у внешней панели. Из-за двери донеслись негромкие щелчки инструмента; на наушнике Ирины загорелся значок связи.

Она взяла метровую стальную линейку и опустилась на колено, не пересекая жёлтую отметку. Тень начиналась у основания платформы и уходила по полу прямой полосой. Ирина подвела линейку к ближайшей границе. Между металлом и темнотой оставался просвет — восемь миллиметров.

- Она сдвинула линейку ещё на сантиметр.
- В лаборатории глухо ударило.
- Ирина застыла.

Звук пришёл не сверху и не из стены. Он возник в глубине тени — тяжёлый, приглушённый, словно подошва ступила на пол в соседнем помещении. Секунду спустя раздался второй удар.

Шаги.

Ирина вскинула голову. До конца тёмной полосы было несколько метров. На записи всё оставалось неподвижным: пустая платформа, неподвижная тень, ровный свет. В самой лаборатории никто не двигался.

— Тарен.

— Слышу. Что случилось?

Она не сразу ответила. Третий шаг донёсся из глубины и стал ближе. Линейка дрогнула у неё в пальцах.

— Звук. Из тени.

— Какой звук?

— Шаги.

— Кого-нибудь видишь?

— Нет.

— Отойди от края.

Ирина отодвинулась, не вставая. Шаги стихли. Между ней и невидимым источником оставалось — возможно — метра два. Или вся длина комнаты. Звук не отражался от стен и не становился ни громче, ни тише. Казалось, он возникал ровно там, где её воображение проводило границу.

Тарен заговорил уже из дверей:

— Иду. Не двигайся.

— Не двигаюсь.

— Ирина.

Она посмотрела на руку, которой держала линейку. Кожа была сухой. На сгибе большого пальца блестел белый налёт.

Сначала Ирина решила, что это отблеск шкалы. Повернула кисть — кристаллики остались на месте. Она медленно разжала пальцы. По ладони рассыпались крупинки инея, тонкие, острые, как иглы. Кожа под ними побледнела, и в центре вспыхнуло жжение.

— Тарен.

Он уже вошёл в лабораторию. Дверь качнулась за его плечом, но температура на панели не изменилась. Тарен посмотрел на её ладонь, потом на пол.

— Ты касалась поверхности?

— Нет.

— Объекта?

— Нет.

— Сколько стояла у края?

— Несколько секунд.

Тарен взял её за предплечье, не касаясь ладони. Пальцы легли осторожно, но крепко — так держат человека при эвакуации из повреждённого отсека.

— Отходим.

Ирина поднялась. Из глубины тени донёсся ещё один шаг, затем второй. На этот раз они шли навстречу. Тарен тоже их слышал: его рука напряглась.

— Это ты? — спросила она.

— Нет.

Шаги остановились у края тени.

Тарен вывел её к стене и поднёс ладонь под аварийную лампу. Иней таял, оставляя на коже мокрые точки. Датчики не зарегистрировали падения температуры. Он достал из поясного кармана теплоизолирующую салфетку, обернул ей ладонь и посмотрел на сканер.

— Двадцать одна и восемь. В лаборатории ничего не изменилось.

— Замерь кожу ещё раз.

— Четырнадцать и две. Падает.

— Только ладонь?

— Вся.

Ирина осторожно сжала пальцы. Под влажной тканью кожа болела. Тарен стиснул челюсть и отстегнул с пояса тонкую спасательную линию. Один конец закрепил на металлическом кольце у основания стола, второй проверил на карабине.

— Собираешься исследовать коридор? — спросила она.

— Собираюсь выяснить, удержит ли тебя страховка, если пол решит, что его больше нет.

Он пристегнул линию к её поясу, проверяя, чтобы ремень не сдавливал. Потом взял оранжевый шнур и медленно размотал его вдоль пола, не пересекая тёмную границу. Несколько метров плетёной нити легли рядом с проходом. Там, где тень упиралась в переборку, стена оставалась гладкой.

— Дальше не пускай, — сказал Тарен.

— Я линию не держу.

— Тогда буду держать я.

Ирина следила за его рукой. Тарен направил шнур к стене, проверяя, не скрывает ли темнота обычную щель или технологический стык. Оранжевая нить коснулась пола в нескольких сантиметрах от края тени, скользнула вперёд и упёрлась в переборку.

Он потянул назад.

Линия вышла свободно.

Тарен повторил движение медленнее. Шнур прошёл по полу, пересёк тень и потянулся к стене. На этот раз он не остановился у поверхности. Оранжевая нить натянулась и исчезла в сплошном металле, словно между ней и переборкой открылся узкий невидимый проход.

Катушка тихо зашуршала в руке Тарена.

Ирина услышала ещё один шаг — по ту сторону стены.

Верёвка, ушедшая в стену

Тарен не отпустил катушку.

Шаги за стеной стихли, но оранжевая нить всё ещё уходила в гладкий металл. На витом волокне дрожал отблеск лабораторного света; там, где оно пересекало тёмную полосу у пола, цвет исчезал, будто кто-то стёр его ластиком.

— Не тяни, — сказала Ирина.

— Я не тяну.

Он разжал пальцы на рукояти. Катушка медленно провернулась на четверть оборота и замерла. Шнур остался натянутым.

Ирина смотрела на стену. Рядом с тенью виднелся стык двух панелей — ровный и узкий, как царапина на лезвии. Дальше металл был цельным: ни люка, ни вентиляционной решётки, ни технологической щели. Она знала это по чертежам лаборатории, но сейчас чертёж казался не описанием помещения, а неудачной догадкой о нём.

— Если шаг повторится? — спросила она.

— Тогда он повторится.

Тарен убрал руку от катушки и показал ей пустую ладонь. На пальцах остались вдавленные следы от рифлёной рукояти.

— Не будем отвечать шагами, — сказала Ирина.

Он коротко кивнул, словно принял пункт инструкции, который и сам собирался предложить. Затем снял с тележки ручной динамометр, пристегнул его к свободному участку шнура и попросил Ирину отойти к нанесённой на полу линии.

— До неё. Не дальше.

Она отступила. Каблук задел край тёмной полосы; Ирина замерла, подняла ногу и поставила её обратно на светлый металл. Кожа под воротом комбинезона похолодела.

Тарен проверил крепление к кольцу у основания стола, убедился, что карабин сидит правильно, а страховочная лента на поясе Ирины не перекручена. Осмотрел карабин ещё раз и потянул шнур на два пальца.

Стрелка динамометра дрогнула.

— Ноль целых восемь, — прочитала Ирина.

— Не сила на линии. Преднатяг.

— Он не должен быть натянут.

— Согласен.

Тарен провёл большим пальцем по видимой части шнура. Плетение было сухим и гладким. Нить шла к стене под небольшим углом, почти параллельно полу; будь в металле щель, она должна была бы смещаться под нагрузкой. Но линия не касалась ни стыка, ни выступа. Она исчезала в тёмной полосе и продолжалась там, за ней.

Ирина наклонилась, не приближаясь к границе.

— Может, тень просто закрывает отверстие?

— Отверстие оставило бы край. Пыль. Разницу температуры. Хотя что-нибудь, за что можно зацепиться взглядом или прибором.

— А если тень и есть край?

Тарен посмотрел на неё. В его лице не было насмешки — лишь усталое внимание человека, который предпочитал отвечать на вопросы руками.

— Тогда мы не знаем, где он проходит.

Из-за стены не доносилось ни звука. Только вентиляция гнала воздух по каналам, да где-то в аппаратной негромко щёлкало реле.

Тарен достал из бокового кармана набор пломбировочных лент. У дверей лаборатории он остановился, не выпуская шнур из поля зрения. Дверь была закрыта, красный индикатор шлюза горел ровно. На рукояти сохранилась прозрачная защитная полоса с серийной насечкой. Тарен провёл по ней ультрафиолетовым маркером: контрольные волокна проявились целыми, от края до края.

Потом он проверил две сервисные панели, люк кабельного канала и узкий грузовой проём, через который в лабораторию подавали сменные кассеты. На каждом был свой индикатор вскрытия, и ни один не показывал сдвига. Тарен прикладывал к стыкам тонкий щуп, осматривал посадочные места зеркалом, искал свежие царапины на крепёжных винтах.

— Если пломбы целы, значит, никто не входил, — сказала Ирина.

— Значит, никто не входил через эти панели.

— А дверь?

— По записи шлюза, с момента запуска контура цикла открытия не было. Давление не менялось. Контакт двери замкнут.

Она взглянула на его прибор.

— Камера потеряла пять целых две десятых секунды.

— Камера потеряла изображение. Не давление и не механический контакт.

— Но объекта на ней нет.

— Потому и не стану просить у камеры свидетельских показаний.

Он произнёс это сухо, почти резко, и вернулся к столу. Под лампами чёрный многогранник не отбрасывал привычной тени: тёмный коридор начинался под его гранями и тянулся к стене, будто освещение лаборатории огибало невидимую трещину. Ирина поймала себя на том, что снова пытается представить объект изнутри. Шесть граней, рёбра по двести десять миллиметров, чёрная поверхность, поглощающая контур. Форма легко складывалась в уме, но каждый раз оставляла в середине пустое место.

На весах под прозрачным куполом мигнуло значение, сменилось тире. Они уже видели цифры: шесть целых сорок две сотых килограмма, тридцать одна целая семь десятых, ноль. Показания не удерживались достаточно долго, чтобы назвать их массой. Тарен прикрепил к экрану полоску с временем измерений и больше на весы не смотрел.

— Нельзя доказать, что объект не был здесь раньше, — сказала Ирина.

— Я проверяю, могли ли доставить его обычным путём после закрытия лаборатории.

— А до закрытия?

— В журнале всё чисто. Грузовой проём пустой, шлюз закрывался штатно. Камеры теряют несколько секунд при запуске реакторного контура, но замки и давление за это время не исчезают.

Он говорил так, словно раскладывал на столе детали аварийного набора: каждый предмет должен был оказаться на своём месте, прежде чем им можно будет воспользоваться. Ирина знала эту манеру. Она успокаивала, пока не выяснялось, что протокол не предусматривал именно того, что лежит перед ними.

— Значит, наша первая ошибка — считать тень просто отсутствием света, — сказала она.

— Вторая — принимать целую пломбу за доказательство, что внутри ничего не изменилось.

— Пломба доказывает только собственную целость.

— А линия?

— Она натянута.

— И уходит в стену.

— Да.

Он произнёс это тише. Впервые за всё время голос Тарена перестал быть голосом инженера, отвечающего за корпус, и стал голосом человека, который сам услышал шаг за переборкой.

Ирина взяла из его набора белый восковой мелок.

— Дай мне шнур.

— Нет.

— Я не собираюсь пересекать границу.

— Ты уже пристёгнута к линии.

— Именно. Если что-то потянет шнур, ты меня удержишь.

— Я удержу тебя, если пол решит исчезнуть. Это другое.

Он не отступил, но и не заслонил ей путь. Ирина повернула мелок в пальцах; на ногте осталась белая крошка.

— Нам нужен размеченный участок. Нужно знать, сколько линии ушло за край.

— Мы знаем, сколько размотали.

— По катушке, а не по шнуру. Закусит барабан или перескочат метки — получим красивую цифру и ничего больше.

Тарен опустил взгляд на оранжевое плетение, затем на динамометр. Уголок рта дёрнулся, но Ирина не поняла, было ли это согласием или раздражением.

— Десять сантиметров, — сказал он. — Мелом. Только на этом берегу. Я держу катушку, ты ставишь метки.

— Хорошо.

— И никаких пальцев у самой границы.

— Поняла.

Он разблокировал барабан и едва заметно ослабил натяжение. Шнур подался назад, но его дальняя часть осталась невидимой. Ирина присела у пола и провела первую белую отметку в десяти сантиметрах от входа в тень. Потом нанесла следующую. Старалась не смотреть на чёрную полосу, хотя та всё равно оставалась в поле зрения, как человек, стоящий слишком близко за спиной.

Пока они размечали шнур, в нём возникло второе напряжение. Не сильнее первого — другое. Линию слегка потянуло, словно кто-то на другом конце ответил на их движение.

Ирина замерла с мелком в руке.

— Ты почувствовал?

— Да.

Тарен прижал большим пальцем шкалу динамометра. Стрелка качнулась и застыла чуть выше единицы.

— Не тянем, — сказал он. — Только следим.

— Если там кто-то держит конец, он знает, что мы здесь.

— У нас нет оснований считать, что там кто-то есть.

— Был шаг.

— Был звук, похожий на шаг.

Она подняла на него взгляд.

— Ты сам сказал, что услышал его.

Тарен промолчал. Он не отводил глаз, и это было хуже прямого возражения: Ирина видела, как он сдерживает ответ, который не мог подтвердить ни прибором, ни собственным опытом. Когда-то она считала, что точность избавляет от страха. Теперь понимала: точность лишь не даёт спрятаться за удобным объяснением.

Она закончила наносить метки у самой границы и выпрямилась.

— Я введу конец на метр. Медленно.

— На полметра.

— Тарен.

— Полметра. Если линия пойдёт под углом, я остановлю.

— Ты сам назвал преднатяг единственным, что нам известно.

— Именно. Я не собираюсь выяснять, чем он станет, если дать линии больше длины. Полметра звучали разумно, и оттого предложение раздражало Ирину сильнее всего.

Она поставила одну ногу на светлую отметку, вторую отвела назад, чтобы ремень на талии не дёрнул её вперёд. Тарен закрепил катушку на фиксаторе и обхватил рукоять обеими руками. Его взгляд скользнул по карабину на её поясе и задержался на пряжке.

— Готова?

— Давай.

Он освободил тормоз.

Шнур пополз вперёд. Белые метки одна за другой исчезали в темноте: первая, вторая, третья. На каждой Тарен проверял показания динамометра и отмечал положение шкалы. До шестой всё шло ровно, линия будто скользила по настилу. На следующей метке звук изменился: не шорох волокна, а короткое сухое постукивание, словно шнур лёг на другую поверхность.

На восьмой отметке динамометр показал три с половиной килограмма.

— Стоп, — сказал Тарен.

Он включил тормоз. Катушка замерла.

Ирина не шевелилась. Из-за стены донёсся протяжный скрежет, будто кто-то провёл ногтем по металлу. Звук оборвался у самой границы тени.

Тарен медленно повернул динамометр так, чтобы Ирина увидела шкалу.

— Нагрузка растёт.

— Линия зацепилась?

— Может быть.

— За что?

— Не знаю.

Она посмотрела на шнур. Последняя видимая белая метка скрылась на несколько сантиметров дальше того места, где тень касалась стены. У её края оранжевое плетение натянулось в прямую. Ни отклонения, ни вмятины, ни единого следа, за который могла бы зацепиться нить.

— Если она зацепилась за край, тяга должна была бы уходить к нему, — сказала Ирина. — А края нет.

— Не меняй конфигурацию.

— Я не меняю. Я смотрю.

Тарен положил на пол короткую металлическую планку с круговым уровнем. На ней были две подвижные петли, которыми страховщики измеряли направление нагрузки на трос. Он закрепил планку на кольце у основания стола и пропустил через петлю участок линии, не сдвигая шнур у стены.

— Это безопаснее? — спросила Ирина.

— Безопасного результата тут не будет.

Он развернул планку, пока пузырёк не встал в центр, и попросил Ирину назвать направление шнура относительно нанесённой на пол сетки. Линия уходила к северной переборке; продолжи её дальше, она должна была бы пройти сквозь наружный корпус станции. Но динамометр показывал боковую нагрузку. Тяга шла справа, из направления, в котором у стены попросту не было поверхности.

Тарен несколько раз проверил петлю, затем вынул шнур и изменил положение планки. Показание не исчезло.

— Датчик сломан? — спросила Ирина.

Он снял прибор, проверил его на ручной петле, дёрнул за калибровочный шнур. Стрелка вернулась к нулю. Когда Тарен вновь установил устройство на кольцо, он получил тот же угол.

— Датчик исправен.

— Тогда линия тянется не через стену.

— Линия тянется к вектору, которого здесь нет.

Слова повисли между ними. Ирина услышала собственное дыхание — слишком частое, чтобы его не замечать. Ей захотелось шагнуть ближе и посмотреть, как шнур пропадает в стене, но ремень на талии натянулся: Тарен удержал страховку.

— Не подходи.

— Я не подхожу.

— Ты перенесла вес.

Она вернула его на пятки. Тарен не выпустил страховку.

— А если это складка пространства? — спросила она. — Не коридор, а карман.

— Верёвка не различает названия.

— Но показывает, что ей есть куда идти.

— Она показывает, что за линией сохраняется механическая связь. Этого достаточно, чтобы считать ситуацию опасной.

С дальнего конца шнура донёсся один глухой удар. Тарен не вздрогнул, только крепче сжал рукоять катушки. Динамометр просел на долю деления и снова поднялся.

Ирина смотрела на белые метки, одну за другой поглощённые тенью.

— Вытащи её.

— Сейчас.

Тарен не бросился к рукояти и не стал рвать линию. Снял нагрузку с фиксатора, прижал ладонь к тормозу и начал выбирать шнур по сантиметру. Сначала у самой стены показалась исчезнувшая белая отметка, влажно блестящая под лампой. Потом появилась следующая. Оранжевая нить выходила ровно, без рывков, хотя стрелка динамометра продолжала показывать нагрузку.

Когда последняя отметка пересекла тёмную границу, за стеной снова раздался шаг.

На этот раз они удалялись.

Тарен остановил катушку. Ирина не успела ничего сказать, как он потянул шнур назад. До света оставалось ещё около метра. Нить натянулась, а потом резко ослабла, будто кто-то разжал руку на другом конце. Динамометр вернулся к нулю.

— Теперь? — прошептала Ирина.

— Теперь вытягиваю.

Он выбрал остаток осторожно, проверяя каждое кольцо плетения. На одной из белых меток сперва проступил тонкий красный след. Затем красная пыль показалась на оранжевом волокне — сухая, густая, с металлическим отливом, словно стружку измельчили до порошка.

Тарен поднял руку.

— Не трогай.

Ирина уже протянула палец, но остановилась. На подушечке большого пальца остался белый след мелка.

— С поверхности стены пыль могла попасть?

— Мы ничего не касались у стены.

— Могла осесть на шнуре, пока он был в тени.

— Именно.

— Тогда бери образец.

Тарен обмотал чистую часть шнура вокруг катушки, оставив загрязнённый участок на металлическом лотке. Затем натянул над ним прозрачный экран из аварийного комплекта. Двигался он аккуратно, почти мягко, словно мог разбудить пыль сквозняком.

Ирина указала на едва заметный красный след, уходивший дальше по виткам.

— Здесь тоже.

— Вижу.

— Если снять нить целиком, мы получим больше материала.

— И больше шансов разнести его по комнате.

— Анализатор справится с несколькими крупинками.

— Анализатор в соседнем модуле.

— Запечатать катушку и отправь его сюда.

— Нет.

Она повернулась к нему.

— Ты только что подтвердил физическую связь через стену. Пыль — первая вещь, которую мы можем исследовать.

— И первая, которой нельзя касаться голыми руками.

— Я не собираюсь трогать её руками.

— Собиралась.

— Но не тронула.

Тарен встретил её взгляд. В его глазах мелькнула резкая, почти личная злость, но он тут же опустил голову к лотку. На внутренней стороне перчатки проступили тёмные полосы пота.

— Я понимаю, что тебе нужно продолжать, — сказал он. — Мне тоже. Но если мы потеряем образец из-за спешки, останется только рассказ о том, что произошло.

— А если лабораторию закроют?

— Тогда образец останется здесь.

— Вместе с нами?

— Это я и пытаюсь выяснить.

На настенном терминале вспыхнул вызов из командной рубки. Резкий двойной сигнал прорезал лабораторию. Тарен приложил ладонь к панели, и на экране возникло лицо Неры Восс. За её плечом холодно мерцали зелёные контуры реакторного отсека.

— Ирина Вей. Тарен Сол. Подтвердите текущий статус лаборатории.

— Объект физически связан с областью за северной переборкой, — ответил Тарен. — Мы протянули линию через тень. Механическая нагрузка подтверждает доступ в это пространство. Проёма нет, панель не открывалась.

— Утечка давления?

— Нет.

— Загрязнение воздуха?

— Пока нет.

Восс задержала взгляд на красной пыли под прозрачным экраном.

— Что это?

— Неизвестный металлический порошок. Образец ещё не изъят.

— Изолируйте лабораторию. Закройте внутренний шлюз, заблокируйте сервисные панели, переведите вентиляцию на замкнутый контур. Внешний доступ — только с моего разрешения.

— Если перекроем вентиляцию, анализатор придётся подключать отдельно, — сказала Ирина.

— Анализатора в лаборатории не будет.

— Нам нужен состав пыли.

— Вам нужно не допустить её распространения.

— **Камеры объект не видят. Если вы запечатаете помещение, мы не сможем получить доступ к—**

— Ирина, приказ принят. Лабораторию изолировать.

Тарен не смотрел на экран. Его лицо окаменело, но рука по-прежнему лежала на лотке, защищая образец от случайного сквозняка.

— Командор, — сказал он, — запуск контура вызвал аномалию. Мы не знаем, связан ли реактор с этим явлением. Отключение реактора может—

— Реактор останется включённым. Без моего разрешения контур не трогать.

В голосе Восс не было ни лишнего слова, ни объяснения, ни сомнения. Только приказ — и тишина командной рубки.

Ирина всмотрелась в её лицо.

— Вы знали, что это может произойти?

— Изолировать лабораторию.

— Вы слышите, о чём я спросила?

— Да.

Связь оборвалась.

На терминале появилась схема шлюза. Замки начали закрываться один за другим, и тяжёлый ход механизмов отозвался низкой дрожью под ногами. Тарен взглянул на оранжевую катушку, затем на прозрачный экран над пылью.

— Ты знал, что она прикажет оставить реактор включённым? — спросила Ирина.

— Нет.

— Но подчинишься?

Он помедлил. Взгляд скользнул к сигнальному индикатору замка — к ровному зелёному огню, который вот-вот должен был смениться красным.

— Приказ об изоляции выполняю.

— А реактор?

— Пока он работает, я не позволю тебе трогать контур.

В его голосе больше не было прежней сухости. Только усталость и выбор, который он не хотел произносить вслух.

Ирина повернулась к лотку. За экраном красная пыль легла на оранжевые волокна тонкой дугой. Посреди пятна темнел крошечный металлический осколок — чёрный, гладкий, совсем не похожий на стружку. Он зацепился за плетение и выдержал весь путь обратно.

Тарен подвёл к лотку сканер, не касаясь осколка. На дисплее появилось предупреждение: неизвестный сплав, состав не распознан.

Ирина наклонилась к экрану. На чёрной поверхности проступали три тонкие насечки, пересечённые короткой дугой. Их края были слишком ровными для случайного излома.

В ту же секунду на схеме шлюза погас последний зелёный индикатор.

Знак на чёрном металле

Последний зелёный индикатор погас.

Секунду схема шлюза оставалась пустой, словно экран ослеп. Затем вдоль двери вспыхнула тонкая красная линия.

Тарен уже стоял у ручного пульта. На Ирину он не посмотрел: сверил красную отметку с показаниями механического замка, нажал утопленную клавишу и прислушался. За стеной ответили два тяжёлых удара — сверху и снизу. Последний отдался в полу глухим толчком.

— Изоляция подтверждена, — произнёс он. — Только лабораторный шлюз. Реактор остаётся включённым.

— Восс приказала оставить контур под нагрузкой?

— Да.

— А тебя просила закрыть меня здесь?

Тарен задержал палец на панели. Красная линия горела ровно, но напряжение на его лице было вызвано не механизмом.

— Приказ был изолировать лабораторию, — сказал он. — Я его выполнил.

Ирина перевела взгляд на лоток. Крошечный чёрный осколок лежал в оранжевом плетении, красная пыль вокруг него собралась тонкой дугой. Между ней и Тареном стоял прозрачный экран. За ним тень многогранника пересекала пол и уходила к сплошной переборке.

— Камера записала закрытие?

— Проверю.

Тарен поднял с пульта планшет. Красный контур шлюза на схеме не дрогнул. Он запросил журнал, дождался ответа и провёл пальцем по строкам, внимательно сверяя каждую отметку.

— Есть команда, есть подтверждение замков. Видео — с разрывом.

— Сколько?

— Сейчас скажу.

— Не надо. Пять и две десятых секунды.

Он поднял на неё взгляд.

— Откуда ты знаешь?

— Запуск контура в 08:10:02. Камера потеряла ровно столько. — Ирина посмотрела на схему тени. — С тех пор журнал точнее записи.

Провал в видео врезался ей в память отдельным острым фрагментом: время, пустота, а потом изображение комнаты, где ничего не изменилось. Она почувствовала, как пальцы сами собой сжались в кулак, и разжала их прежде, чем Тарен успел заметить.

— Тогда записи не трогаем, — сказал он. — Ни одного автоматического цикла.

Он отключил подачу воздуха к сервисной решётке, сверил давление в герметичном лотке и запечатал края прозрачной крышки. Двигался быстро, но без суеты: инженерная привычка не позволяла торопить руки там, где ошибка могла стать частью загадки.

Ирина наклонилась к лотку. Вблизи красная пыль не походила на ржавчину: зёрна были слишком мелкими и одинаковыми, а на некоторых поблёскивали тонкие грани. Осколок, напротив, поглощал свет. Насечки на нём исчезали, если смотреть прямо, и проступали снова, стоило чуть изменить угол.

— На образец нельзя дуть, — сказала она.

— Не собирался.

— И не подносить магнит.

— Я знаю.

— Тогда почему ты уже держишь магнитный зонд?

Тарен опустил руку. Зонд он снял с бокового крепления почти машинально.

— Привычка, — ответил он и убрал прибор. — Спасибо, что заметила.

В его голосе слышалась усталость, но уже не прежняя сухость. Последние полчаса он спорил с ней о контуре, не позволяя даже коснуться управляющей панели, а теперь принял поправку без упрёка. Запрет никуда не делся, но больше не звучал как приказ.

На дисплее лотка высветилась масса кассеты. Ирина открыла журнал измерений: три соседние строки — 6,42 килограмма, 31,7 килограмма и ноль. Ни пояснений, ни подписи оператора, только время замеров, сведённое в короткую последовательность.

— Оставь так, — сказала она, заметив, как Тарен собирается открыть поле для комментариев. — Не подбирай названия за прибор.

— Хотел пометить ноль как сбой.

— Тогда он исчезнет из журнала под удобным объяснением.

Тарен не коснулся экрана. Они несколько секунд слушали гул реактора за закрытой переборкой. Низкий ровный тон заполнял лабораторию, и в нём было что-то почти оскорбительное: станция продолжала работать, будто в её стене не возник проход туда, где прохода быть не могло.

— Нам нужен Каден, — сказала Ирина.

— Он хранит архивы, а не отвечает за анализ.

— Он руководил «Тессерой».

— Двенадцать лет назад.

— Если в архиве есть хоть один след такой пыли, он знает, где его искать.

Тарен снова взглянул на красный контур шлюза.

— Я могу связаться с ним. Но образец не покинет изолированную зону, пока он не подтвердит условия перевозки.

— Разумно.

Тарен набрал внутренний номер, включил громкую связь и положил планшет на край пульта. Вызов шёл достаточно долго, чтобы Ирина успела разглядеть отражение красной линии на экране. Наконец раздался голос Кадена — негромкий, выверенный, словно он сперва убрал из фразы всё лишнее.

— Сол?

— Мы запечатали образец из оптической лаборатории. Известная металлическая пыль, чёрный осколок. Нужен архивный спектр.

Пауза.

— Откуда образец?

— С оранжевых волокон, возвращённых из зоны за тенью.

— Значит, вы перемещали трос.

— Мы его извлекли. Переборка осталась целой.

По связи прошёл короткий шорох. Каден не спросил, как такое возможно. Ирина смотрела на серую полоску динамика, словно могла различить по ней выражение его лица.

— Не вскрывайте лоток, — сказал он. — И не отправляйте мне копии через общий архивный канал.

— Почему? — спросила Ирина.

На том конце повисла пауза, чуть длиннее необходимой.

— Хочу увидеть исходные показания.

— Вы придёте в лабораторию?

— Сначала подготовлю доступ к закрытой серии. Через час. До этого ничего не меняйте. Связь оборвалась.

— Через час он успеет подготовить доступ, — сказал Тарен. — И, видимо, придумать, что нам разрешено знать.

Ирина посмотрела на него.

— Ты ему не доверяешь?

— Я доверяю замкам. Люди обычно требуют дополнительных допусков.

Он закрепил кассету в переносном контейнере, проверил пломбу и записал номер вручную, не полагаясь на распознавание планшета. Ирина вывела на отдельный экран план лаборатории. Камеры показывали пустые участки пола и медленно меняющиеся показания датчиков. Многогранника на записи не было; тень проступала лишь разницей яркости — слишком широкой и нечёткой, чтобы понять, где она начиналась.

Ирина начертила на стекле карандашом для сенсорных поверхностей тонкую линию: границу тени, направление троса, расстояние до переборки. Потом добавила рёбра многогранника — по двести десять миллиметров каждое. Плоская фигура сложилась в уме сразу, целиком, но геометрия за ней не поддавалась: коридор тени изгибался туда, где должна была находиться стена.

— Ты опять считаешь, что это коридор? — спросил Тарен.

— Я считаю, что мы видим его сечение.

— И куда оно ведёт?

— Не знаю.

Она произнесла это без привычного раздражения на собственную неспособность. Пространственная модель снова распалась на отдельные плоскости. Ирина стёрла один угол, не тронув остального рисунка.

— Есть ещё вариант кармана, — сказала она. — Трос не проходит сквозь переборку. Он уходит в область, которая примыкает к ней, но не занимает её объём.

— В физике это обычно называют способом не отвечать на вопрос.

— В геометрии — способом не врать.

У Тарена дрогнул уголок рта, но он тут же вернулся к журналу замков.

Они оставались в оптической лаборатории, пока шлюз дважды не подтвердил фиксацию, а переносной контейнер не прошёл проверку давления. За стеклянной перегородкой тень не менялась. Ирина следила не за её очертаниями, а за пылью на оранжевых волокнах: тончайшие частицы держались вдоль дуги, и при каждом изменении положения лампы её край на миг вспыхивал.

В 10:06 Ирина запросила журнал работ по «Тессере». Система выдала стандартную карточку завершённого проекта и список архивных разделов, доступных только бывшему руководителю.

— Удобно, — сказала она.

— Закрытые архивы не открываются по просьбе, — отозвался Тарен.

— Я заметила.

— Можно попросить Кадена.

— Он уже знает, что мы хотим искать. Если не пустит нас в архив, это тоже будет ответом.

Тарен посмотрел на схему. На свободном краю стекла Ирина добавила три короткие насечки и дугу, повторив знак на осколке — не пытаясь точно его скопировать, а лишь отмечая увиденное.

— Думаешь, он связан с «Тессерой»?

— Пока думаю, что он слишком аккуратный, чтобы быть случайной царапиной.

— Так можно сказать о половине вещей, найденных на станции.

— Но не о второй половине, — ответила она.

Тарен промолчал. Он проверил контейнер и оставил на планшете отметку, что материал не подвергался магнитному воздействию. Потом, не спрашивая, положил рядом чистый лист бумаги.

— Если канал у них заблокирован, придётся нести оригиналы.

Ирина вписала три массы, время и показания камеры. Цифры вышли ровными, но на последнем ноле карандаш прорвал бумагу.

В 10:41 Каден снова вышел на связь. Он не извинился за задержку и не спросил, как они. Вместо этого запросил номер контейнера, обе подписи на пломбе и последовательность измерений. Тарен ответил. Ирина добавила, что сканер определил осколок как неизвестный сплав.

— Что именно означает «неизвестный»? — спросил Каден.

— Состав не распознан, — ответила она. — Вы видите ту же запись.

— Я вижу результат классификатора. Это не одно и то же.

— Тогда посмотрите на образец.

На связи повисла пауза.

— Принесите его в архивную лабораторию, — сказал Каден. — Только контейнер. Многогранник оставьте под изоляцией.

Тарен взглянул на Ирину. Она кивнула.

— Перенос разрешён, — уточнил он. — Под вашей подписью?

— Под моей.

На экране появилась цифровая форма допуска. Подтверждение Кадена пришло через несколько секунд, номер доступа — ещё через минуту. Ирина заметила: разрешение выдали не по обычному архивному профилю, а по личному коду бывшего руководителя проекта.

— Он очень хочет контролировать, что мы увидим, — сказала она.

— Или что увидит архив, — ответил Тарен.

Они перенесли контейнер, не открывая внешнюю крышку. Тарен шёл впереди, проверяя каждую дверь; Ирина несла кассету обеими руками. Красный контур шлюза остался позади, но даже через две переборки низкий гул реактора чувствовался в костях.

Архивная лаборатория находилась в старом техническом секторе. Стены здесь обшили матовым серым материалом, панели управления сделали широкими — для работы в перчатках. Пахло нагретой пылью и озоном. На длинном столе стояли спектрометр, устаревший микроскоп и два ящика с бумажными папками, словно электронным хранилищам не доверяли даже их собственные хранители.

Каден ждал у центрального терминала. На архивных фотографиях, которые Ирина смутно помнила, он выглядел моложе: худые плечи, седые волосы, аккуратный воротник. Двигался экономно. Руки у него были чистые, но ногти чуть пожелтели от старых лабораторных реактивов.

Он принял контейнер у Тарена и прочитал маркировку, проверяя каждую строку. Сверил подписи, коснулся пломбы и лишь после этого посмотрел на Ирину.

— Вы были в оптической лаборатории.

— Да.

— Сколько времени провели у объекта?

— Достаточно.

— Это не единица измерения.

— Тогда спросите о том, что вам действительно нужно.

Каден едва заметно опустил подбородок. На мгновение в его лице мелькнуло не раздражение, а признание удачного хода.

— Как вы извлекли трос?

— Вытянули обратно.

— За тень?

— За то пространство, которое там оказалось.

— Переборка?

— Целая.

Он перевёл взгляд на Тарена.

— Подтверждаете?

— Я держал линию. Трос прошёл туда, где стена оставалась сплошной, и вернулся с красной пылью. Можете проверить журнал.

— Журнал не покажет того, чего не увидела камера.

— Камера не видит многогранник, — сказала Ирина. — Мы это уже установили.

Каден отвёл взгляд к контейнеру. Инструменты для вскрытия лежали на столе, но он не сразу к ним потянулся. Сначала ввёл код, отключил архивную лабораторию от общего канала и только после этого снял внешний кожух.

— Под лампой не поворачивать, — предупредила Ирина. — Пыль держится дугой. Любое движение воздуха может изменить её распределение.

— Вы говорите так, будто она подчиняется направлению.

— Я говорю, что она сохраняет форму.

Каден переставил контейнер под защитный колпак и выключил одну лампу, оставив узкий боковой луч. Красные частицы засверкали на прозрачной поверхности. На миг показалось, что под стеклом лежит тонкий слой песка с чужого берега.

Он взял микропробу пипеткой с мягким наконечником, не задев чёрный металл.

— Хорошо, — сказал он. — Только пыль, не осколок.

Ирина следила за его руками. Они двигались уверенно, но правый мизинец дважды задел край подставки, прежде чем Каден установил капилляр в анализатор.

— Вы делали это раньше, — сказала она.

— Разумеется.

— С этой пылью?

— Я этого не говорил.

Каден запустил сканирование. Анализатор загудел, пропуская через капилляр узкий световой луч. На экране проступили пики спектра, затем прибор запросил архивное сопоставление.

Каден выбрал каталог материалов станции: покрытия корпуса, красители для аварийных меток, металлические пыли, собранные при замене внешних панелей. Ответ пришёл быстро — ни одного совпадения. Он исключил два близких сигнала, сверил исходные данные и запустил сравнение заново.

— Ничего? — спросил Тарен.

— Ничего из классифицированного.

— А если неизвестное не означает новое?

— Тогда материал либо никогда не попадал в архив, либо хранился под другим названием.

— Вы предложили две версии, — заметила Ирина. — Для человека, который не хочет делать выводов, щедро.

— Две возможности, не вывод.

Каден выбрал закрытый раздел. Система запросила личное подтверждение. Он приложил к считывателю тонкую пластину идентификатора и удерживал её, пока экран не мигнул.

Появилось предупреждение: часть каталога доступна, спектральные приложения отсутствуют.

Каден нахмурился и открыл подробности.

— Что там? — спросила Ирина.

— Архивная запись.

— Я вижу.

— Вы видите заголовок.

Он развернул окно. Под названием серии стояли дата, номер проекта и отметка о сохранении первичного материала. Ниже тянулась пустая строка; напротив спектрального пакета значилось: «содержание удалено».

Каден не сразу коснулся экрана.

— Когда? — спросил Тарен.

Каден открыл журнал правок.

В комнате остался слышен только вентилятор анализатора. Строки прокрутились вверх и замерли. Удаление провели двенадцать лет назад. В строке авторизации значился личный допуск Мирона Кадена.

Ирина успела увидеть его имя прежде, чем Каден увеличил запись.

— Ваш код, — сказала она.

— Да.

— Удалили спектр и оставили карточку.

Каден закрыл подробности.

— Удаление старых данных не всегда означает сокрытие. Иногда это вопрос целостности архива.

— Тогда почему сохранился заголовок?

— Потому что заголовок не содержит результата.

— А запись о том, что результат существовал?

Он посмотрел на неё поверх экрана. В лице снова появилась вежливая осторожность, обычно удерживавшая собеседника от второго вопроса. Но Ирина уже видела пустую строку и штамп его допуска.

— Сравните пыль с тем, что осталось, — сказала она. — Пусть классификатор прочтёт пустое место.

— Вы хотите, чтобы машина сопоставила несохранённый спектр?

— Я хочу увидеть, что она считает несохранённым.

Каден коснулся панели. Архив запросил исходный набор, показал его структуру и снова обозначил отсутствующий сегмент. В сохранённой части повторялись несколько пиков красной металлической пыли из их образца. Полного совпадения не было, но расположение трёх низких сигналов походило на нынешнее.

— Этого недостаточно, — сказал Каден.

— Для вывода — нет. Для вопроса достаточно.

— Вопросы о чём?

— Почему в архиве двенадцатилетней давности уже был похожий материал.

— Вы не знаете, похожий ли он.

— Я вижу совпадение сигнала.

— Неполное.

— Архив тоже неполный.

Каден положил ладонь на стол, рядом с контейнером, прикрыв экран. Он смотрел на строки, потом на пипетку, потом на собственную руку. На чёрный осколок взгляд так и не поднялся.

Тарен заметил это раньше Ирины.

— Вы даже не взглянули на него, — сказал он.

— На что?

— На осколок. Он лежит в полуметре от вас.

Каден убрал ладонь с экрана и поднял контейнер, чтобы металлический фрагмент оказался виднее. Он посмотрел на крышку, на световое пятно рядом, на красную дугу — только не на сам осколок.

— Состав сплава не распознан, — произнёс он. — Пока разумнее установить происхождение пыли.

— Вы переводите разговор, — сказала Ирина.

— Я отделяю один вопрос от другого.

— Почему?

— Потому что у объекта может быть чужое происхождение. На станцию попадают разные материалы: метеоритная пыль, обшивка старых модулей, фрагменты орбитального мусора...

— Ни один из этих вариантов не объясняет трос, прошедший сквозь целую переборку.

— Для этого у нас нет надёжных измерений.

— Есть мои и Тарена.

— Ваши измерения описывают случившееся, но не объясняют его.

— А архив должен был объяснить?

Каден не ответил. Вместо этого открыл соседний раздел — раннюю схему технических помещений «Порога», ещё до перестройки оптического сектора. На экране появилась выцветшая карта с тонкими линиями, ручными исправлениями и пометками, нанесёнными поверх старых слоёв.

— Здесь указаны переборки, воздуховоды и контуры обслуживания, — сказал он. — Если объект связан с конструкцией станции, можно проверить, существовало ли поблизости дополнительное оборудование.

— Его там нет, — сказала Ирина.

— Вы уже смотрели эту схему?

— Нет. Я представляю геометрию лаборатории.

Каден увеличил участок оптического сектора. Нынешняя лаборатория была нанесена на план вытянутым прямоугольником. Внутри шли две параллельные линии и короткая поперечная отметка, обозначающая стык секций. У переборки, сквозь которую, судя по всему, прошёл трос, не оставив повреждений, стоял небольшой знак: три тонкие насечки, пересечённые дугой.

Ирина не сразу поняла, что задержала дыхание.

На осколке были такие же насечки. И та же короткая дуга.

— Увеличьте, — сказала она.

Каден не двинулся.

— Это старая техническая схема.

— Я вижу.

— Условные обозначения в той версии не всегда были единообразны.

— Три разреза и дуга. Как на осколке.

— Мало ли похожих знаков.

— Тогда объясните, что означает этот.

Тарен приблизился к экрану, не заслоня Ирине обзор. Он перевёл взгляд с чертежа на контейнер.

— Метка оборудования? — спросил он.

Каден открыл легенду. Перечень обозначений прокрутился по экрану. Нужного знака там не было.

— В легенде он отсутствует, — сказал Тарен.

— Возможно, метка добавлена при ручной правке.

— Кто правил чертёж? — спросила Ирина.

Каден промолчал. Он вернулся к слою ранних исправлений и вызвал карточку документа. На экране проступила дата — двенадцать лет назад. Автором значился проект «Тессера».

Слово ударило по ней раньше, чем Ирина успела его осмыслить. Оно было знакомо не по архивам. Из глубины памяти поднялись запах перегретой изоляции, стеклянная пыль на ладонях и голос брата, снова и снова произносивший её имя, пока она не могла ответить.

Картинка оборвалась, не успев собраться.

Она упёрлась пальцами в край стола. Металл оказался холоднее, чем ожидалось.

— «Тессера» была закрытым проектом, — сказал Каден. — Схему могли изменить после демонтажа оборудования.

— Проект объявили уничтоженным двенадцать лет назад, — сказала Ирина.

— Такова официальная формулировка.

— Вы произнесли это так, будто знаете другую.

Каден снова посмотрел на экран, на название проекта. Глаза к контейнеру он по-прежнему не поднял.

— Знак мог принадлежать одному из калибровочных стендов. Временные метки часто оставляли на схемах без обновления легенды.

— Значит, осколок тоже от калибровочного стенда?

— Я этого не утверждал.

— Вы вообще ничего не утверждаете.

— Потому что у меня нет достаточных данных.

— Зато есть ваш допуск в журнале удаления.

Каден стёр со страницы имя проекта, будто оно мешало ему работать. Ирина успела запомнить точное расположение знака — у той самой стены, сквозь которую прошёл трос.

— Почему эта схема открылась сейчас? — спросил Тарен.

— Она находилась в старом слое чертежей.

— Нет. Почему её сохранили, если сопроводительные данные удалили?

— Разные массивы обслуживались отдельно.

— Удобно, — сказала Ирина.

Каден выдержал её взгляд. Впервые за всё время он посмотрел ей прямо в лицо, но задержался ненадолго.

— Удобство не делает обстоятельство ложным.

— А ваша подпись?

— Моя подпись делает удаление моим.

Ирина стиснула пальцы на краю стола.

— Вы знали, что эта метка сохранилась?

— Я давно не просматривал все схемы.

— Но помните её.

На этот раз Каден не ответил.

Тарен выключил спектрометр, чтобы писк анализатора не перебивал тишину. Экран погас, и вместе с ним исчезло отражение контейнера. Каден выпрямился, словно только теперь заметил, что стоит у стола, а не перед терминалом.

— Надо вернуться в оптическую лабораторию, — сказала Ирина.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы сравнить схему с тем, что находится там.

— Для этого есть чертёж.

— Чертёж не видит тени.

Тарен закрыл контейнер и заново проверил пломбу. Каден не стал возражать. Он заблокировал архивный экран и убрал идентификатор в нагрудный карман.

Ирина вышла первой. Тарен держался рядом, Каден — чуть позади. В коридоре свет отражался от матовых панелей холодными полосами. Под ногами ровно гудели насосы, и от этого обычного звука станция казалась нарочито спокойной.

На дверях оптической лаборатории по-прежнему горел красный контур. Тарен подтвердил доступ, приложил ладонь к панели и дождался механического ответа. Дверь открылась лишь после второго щелчка.

Внутри всё осталось на прежних местах. Тень пересекала пол, уходила к стене и терялась у переборки. На прозрачном экране у входа всё ещё светилась схема Ирины с тремя насечками и дугой.

Каден остановился на пороге.

Ирина поставила контейнер на изолированный стол, но пломбу не тронула. Тарен остался у замка, предоставив ей место перед экраном. Каден сделал шаг внутрь и тут же сместился так, чтобы многогранник оказался за его плечом. Он смотрел на схему, на линию переборки, на собственные туфли.

— Вы опять не смотрите на объект, — сказала Ирина.

— Мне достаточно его тени.

— С чего вы решили, что это тень?

Каден не ответил. Медленно приблизился к прозрачному экрану. Рука поднялась к рисунку, но остановилась у линии, не коснувшись поверхности.

— Передвиньте свет, — попросил он.

Тарен посмотрел на него.

— Какой именно?

— Левый боковой. На два деления.

Тарен изменил угол лампы. Тень не сдвинулась, зато у её края на полу блеснула тонкая чёрная полоса. Пыль, которую прежде можно было принять за случайное пятно, проступила тремя насечками и короткой дугой — точно такой же знак был выгравирован на осколке и нанесён на старую схему.

Каден побледнел. Не сильно, но достаточно, чтобы Ирина заметила перемену в его лице.

Он всё ещё не смотрел на многогранник.

— Это знак «Тессеры», — произнёс он.

— Вы узнали его на схеме, — сказала Ирина. — Или на кромке тени?

Каден опустил руку.

— На обоих.

— Проект объявили уничтоженным.

— Да.

— И вы знали, что его метка осталась здесь.

— Я знал, что она была на схеме.

— Это не ответ.

Он наконец посмотрел на неё. Чёрный многогранник за его плечом оставался в прямой видимости, но Каден снова отвёл глаза к полу.

Ирина шагнула ближе — ровно настолько, чтобы он не мог притвориться, будто вопрос адресован не ему.

— Как это связано с исчезновением Антона?

Имя брата отозвалось в ней глухой болью. В горле пересохло. Она услышала собственный голос, но не сразу узнала его: он звучал ровнее, чем она ожидала.

Каден опустил подбородок. Пальцы легли на край планшета, оставив на матовой поверхности бледный след.

— Ирина...

— Не называйте меня так, будто это просьба подождать.

Он на короткое мгновение закрыл глаза.

— Официальная запись о катастрофе была неполной.

Срок до сияния

— Что именно вы вычеркнули? — спросила Ирина.

На чёрном стекле планшета под пальцами Кадена расплывался бледный отпечаток. Он отдернул руку, словно обжёгся, и посмотрел куда угодно — на Тарена у контейнера, на край стола, на запечатанную крышку. Только не на многогранник.

— Последние сорок семь секунд перед разгерметизацией кольца, — сказал он. — И запись о том, что Антон был внутри.

Ирина не сразу осознала сказанное. Сначала до неё дошла цифра, потом имя. Смысл настиг её несколькими секундами позже.

— Внутри чего?

— Технического кольца «Тессеры». В отчёте об аварии его объявили разрушенным.

— Объявили или нашли обломки?

Каден провёл большим пальцем по краю планшета. Тарен стоял у контейнера, придерживая крышку и проверяя пломбу. Он молчал, но не спускал глаз с Кадена.

— Обломков не нашли, — ответил физик. — В отчёте написали, что кольцо разрушило ударной волной и выбросило в вакуум.

— Хотя телеметрия показывала, что оно оставалось на месте.

Каден поднял глаза. Ирина увидела, как он собирается возразить, — и как отказывается от этой попытки.

— Да.

— Вы подписали ложный отчёт.

— Подписал.

Признание прозвучало тихо и без оправданий. От этого во рту у Ирины появился горький привкус, будто она прикусила щёку.

— А Антон?

— Последний импульс его браслета пришёл из кольца. Уже после того, как мы объявили его разрушенным.

Тарен снял ладонь с контейнера.

— Вы знали, что он там, — сказал он.

— Да.

Тарен перевёл взгляд на Ирину.

— А потом сообщили его сестре, что Антон погиб при эвакуации.

Двенадцать лет назад ей сообщили, что брат не вышел из аварийного сектора. Ирина прожила эти годы, опираясь на одну страшную ясность; теперь и её у неё отнимали. Она смотрела на рот Кадена, на складку у подбородка, на тёмную точку его воротника — след старого ожога или чернил. Хотелось услышать хоть какое-то объяснение: приказ, угрозу, страх. Любую причину можно было бы рассмотреть, найти в ней изъян, отвергнуть. Молчание оставляло только пустоту.

— Сорок семь секунд, — повторила она. — Что произошло за это время?

— Не знаю.

— Вы только что сказали, что запись вырезали.

— Я удалил её из официального архива. Копия осталась на ленте испытательного регистратора, но корпус регистратора так и не нашли.

— А вы?

— Сохранил фрагмент отдельно.

Ирина шагнула к нему.

— Где?

Каден коснулся планшета, однако экран оставался заблокированным. После открытия архивного раздела он сам включил ограничение доступа и с тех пор не снял его.

— Не здесь.

— Вы опять просите меня подождать?

— Нет. Я говорю, что на станции небезопасно обсуждать эту запись.

Тарен резко выдохнул носом.

— Тогда назовите место безопаснее этой комнаты. А не бросайте очередную загадку на пол.

Каден повернулся к нему, но ответить не успел. С потолочной панели донёлся короткий звонок вызова; экран лабораторного терминала вспыхнул, заслонив край стола. На нём появилось лицо Неры Восс.

— Ирина Вей, Тарен Сол, Мирон Каден. Командный зал. Сейчас.

— Что произошло? — спросил Тарен.

— Ничего, что можно исправить из лаборатории. В 15:10 начинаем расчёт запуска щита. Вам нужно быть здесь.

Связь оборвалась прежде, чем Ирина успела спросить, зачем Восс вызвала Кадена. На панели над дверью горело 15:08.

— Контейнер останется здесь, — сказала она.

— Пломба цела. Я проверил.

— Я не о пломбе.

Тарен понял и кивнул. Он повесил на крышку контрольный датчик; тонкая нить легла поверх металла и замкнулась зелёным огоньком.

Каден уже направлялся к выходу. Ирина придержала дверь, пропуская его, но сама вышла следом. Теперь ей хотелось видеть каждое его движение.

К началу расчёта они добрались до командного зала. Тарен шёл рядом, чуть позади Ирины, и время от времени касался пальцами поручня, будто проверял, насколько крепко станция держится на собственных опорах. За широкими окнами внутреннего периметра медленно вращалась Земля; облака над ночной стороной Нового Арала поблёскивали серебряной пылью.

Восс ждала у центральной проекции. На схеме станции светились развёрнутые энергетические контуры, над ними тянулась бледная дуга радиационного фронта. Командор осталась в форменной куртке; волосы были стянуты тугим узлом. У её локтя мигал закрытый личный канал. Восс погасила его, когда они вошли.

— До запуска семьдесят четыре часа пятьдесят минут, — сказала она. — Четвёртый день, восемнадцать ноль-ноль. К этому времени щит должен выйти на полный режим.

По нижнему краю схемы отсчитывали время цифры — плавно, почти бесшумно.

— Если не успеем? — спросила Ирина.

— Радиационный фронт накроет Новый Арал раньше, чем станция развернёт резервную защиту. Там восемнадцать тысяч человек.

Восс произнесла число так, будто в нём заключалась вся необходимая аргументация. Сама она смотрела не на траекторию фронта, а на таймер.

— Полная мощность реактора нужна на весь цикл? — спросила Ирина.

— Только для запуска. Контур выведен из холодного резерва, накопителей хватит на калибровочную фазу. Чтобы щит включился, нужен импульс от реактора.

— Если импульс сорвётся, защита не развернётся?

— Если импульс сорвётся, у нас не будет щита.

Тарен скрестил руки на груди.

— А если лабораторный объект связан с энергосетью?

— Он не связан.

— Откуда такая уверенность?

— Все его контуры изолированы.

— По проекту, который вы считаете завершённым?

Восс перевела взгляд на него.

— Расчёт энергосети завершён, инженер Сол. Если у вас есть данные, что объект потребляет мощность, я их выслушаю.

— Пока у меня есть объект, которого камеры не видят, и трос, уходящий в стену.

— Именно поэтому вы здесь.

В голосе Восс не было раздражения. Её спокойствие звучало опаснее, чем крик.

Она увеличила схему станции. Кольцевые жилые секции разошлись веером, наружные фермы вытянулись к центру, а возле старого научного блока проступило пустое пространство, отмеченное серым пунктиром.

Шум вентиляции отступил, вытесненный едва заметным изгибом под актуальной схемой. Словно сквозь неё проступала вторая, стёртая карта.

— Увеличьте сектор вокруг лаборатории.

Восс коснулась панели.

— Зачем?

— Здесь разрыв осей.

— Здесь ничего нет.

— Вот именно.

Ирина подошла к проекции. Не касаясь её, обвела рукой серый пунктир. Перед ней вырос фрагмент схемы: оптическая лаборатория, две служебные галереи и широкая пустая полоса, обозначенная как зона укрепления корпуса.

Каден замер.

— Что? — спросил Тарен.

— На старом плане эта линия не прямая.

Ирина достала из папки найденную у лаборатории схему. Тонкая, хрупкая бумага потемнела по краям, но знак «Тессеры» в углу оставался чётким: три насечки под короткой дугой. Она положила лист на стеклянную поверхность. Восс отключила верхний слой проекции, оставив только план станции.

Сначала Ирина совместила центральную ось лаборатории с нынешней. Линии разошлись почти на ладонь. Она сдвинула лист, ориентируясь на воздуховод и крепёжный узел; теперь они совпали — кроме одного широкого участка, где старый план выгибался дугой.

— Масштаб неверный, — сказал Каден.

Ирина посмотрела на него.

— На бумаге?

— Схему перерисовывали после аварии. Копия могла дать усадку.

Она промолчала. Приложила прозрачную линейку, выставила по расстоянию между крепёжными узлами и вновь совместила изображения. Воздуховоды сошлись, опорные точки совпали, а дуга легла точно в серый пунктирный сектор.

Восс наклонилась к столу.

— Что это?

Ирина провела пальцем по очертанию. Полоса замыкалась вокруг лабораторного блока, образуя почти правильное кольцо. На старом плане были отдельные переборки, два шлюза и узкая техническая галерея, уходившая к наружной ферме. На нынешней схеме не осталось ни следа от всего этого.

— Техническое кольцо, — сказала Ирина. — Оно окружало лабораторию и соединяло её с внешними опорами.

— Его уничтожило при аварии «Тессеры», — произнёс Каден.

— Вы сказали, что обломков не нашли.

— Я сказал, что их не нашли.

Ирина приблизила чертёж. Вдоль внутренней дуги шли мелкие знаки, похожие на зубцы. Между ними повторялся рисунок пола: вытянутые трапеции, состыкованные попарно, с круглыми заглушками на каждом третьем шве. Чертёж был выполнен от руки, но расстояния между плитами оставались одинаковыми.

— Почему кольцо убрали из схемы станции? — спросила Восс.

— Потому что в итоговом отчёте оно значилось разрушенным, — ответил Каден. — После этого его вычеркнули из рабочих планов.

— Официально сочли разрушенным, — уточнила Ирина. — На каком основании?

Каден смотрел на старый лист.

— На основании моего доклада.

В командном зале щёлкнуло реле за стеной. Восс выпрямилась.

— Вы подтвердили разрушение без обломков?

— Я подтвердил, что кольцо исчезло с телеметрии.

— Это не одно и то же.

— Теперь я понимаю.

Ирина подняла голову.

— А двенадцать лет назад?

Каден не ответил.

Восс провела ладонью над проекцией, и чертёж сменился расчётами запуска. Дуги энергетического контура вспыхнули одна за другой. Возле каждой отметки отображались нагрузка, допуск и длительность импульса.

— Мы не будем переписывать историю проекта посреди подготовки щита, — сказала она. — Сначала выясним, мешает ли эта зона запуску.

— Вы уверены, что хотите называть её зоной? — спросила Ирина.

— Мне нужно знать, влияет ли она на станцию.

— Если кольцо существует, оно может быть частью станции.

— Телеметрия его не видит.

— Двенадцать лет назад телеметрия тоже его не видела, когда оно исчезло.

Восс задержала на ней взгляд.

— Вы предлагаете остановить запуск?

— Я предлагаю не закрывать участок, пока мы не поймём, чем он является.

— Тогда мы не успеем подготовить защиту к сроку.

Тарен наклонился над расчётами. Его взгляд скользнул по линиям реактора и остановился у красного сектора повышенной нагрузки.

— Если объект не подключён, обесточивание лаборатории ничего в нём не изменит. Только отключит свет, вентиляцию и шлюзовые датчики.

— Верно, — сказала Восс.

— Тогда почему вы решили, что изоляция вообще возможна?

— Я не решила. Я приказала её подготовить.

Тарен коротко усмехнулся, но веселья в его лице не было.

— Приказ на вопрос не отвечает.

— Вы инженер-спасатель. Ваша работа — удержать участок, если он начнёт меняться.

— Он уже меняется.

— Поэтому лаборатория будет под охраной.

Ирина вновь посмотрела на старый план. Внутренний край технического кольца проходил там, где за чёрным многогранником появлялся коридор. Она мысленно совместила рисунок пола с геометрией лаборатории. Совпадали не только общий стиль и форма плит: каждая

трапеция ложилась на ту же ось, каждая круглая заглушка приходилась на ту же точку разрыва. Разнился лишь масштаб — и то, что чертёж показывал кольцо целиком, а тень открывала только узкий фрагмент.

— Нам нужно вернуться в лабораторию, — сказала она.

Восс коснулась панели связи.

— Подготовьте проход. К объекту никого не подпускать.

— Вы пойдёте с нами? — спросил Тарен.

— Да.

Восс первой покинула зал, и остальные двинулись за ней. Каден шёл позади, прижимая планшет к боку. Когда мимо прокатилась транспортная тележка, он едва успел отступить. Ирина заметила, что на старую схему он так и не взглянул. У шлюза Тарен пропустил командора вперёд и дождался, пока та сама приложит ладонь к считывателю.

Оптическая лаборатория встретила их ровным светом и запахом нагретой изоляции. Контейнер с вернувшимся тросом стоял на столе; пломба Тарена светилась зелёным. Чёрный многогранник по-прежнему не отражался на камерах, зато его тень лежала на полу — резкая, будто кто-то провёл по металлу чернильной кистью.

Восс остановилась у порога.

— Покажите границу.

Ирина подошла к краю тени, не переступая его. Она держала старый план так, чтобы рисунок пола на листе оказался рядом с тёмным пятном. Поначалу ничего не происходило: только неподвижная тень, пустой участок стены и холодный блеск креплений.

— Дайте боковое освещение, — сказала Ирина.

Тарен изменил угол рабочих ламп. Тень вытянулась, но её край остался прямым.

— Не помогает, — сказал он.

— Знаю.

Ирина передвинула лист на несколько сантиметров, совмещая его с воображаемой осью пола. Восс наблюдала молча. Каден держал планшет обеими руками; пальцы побелели на корпусе.

На старом плане кольцо начиналось за внутренним шлюзом, обходило лабораторный сектор и уходило к наружному силовому узлу. Если совместить чертёж со станцией напрямую, геометрия не сходилась. С тенью — тоже. Но стоило развернуть кольцо вокруг оси самого многогранника, как дуга вставала на место.

— Тарен, выключите левую секцию.

— Погаснет маркировка пола.

— На несколько секунд.

Он посмотрел на Восс. Командор едва заметно кивнула.

Секция погасла. В лаборатории остались серебристый свет аварийных полос и холодное свечение экранов. Тень сгустилась. Сухой холод коснулся лица Ирины, пахнул чем-то пыльным.

Между тенью и стеной проступила тонкая вертикальная линия, затем рядом возникла вторая. Они не отбрасывали бликов, но уходили в глубину, которой в лаборатории быть не могло. На полу обозначился ряд вытянутых трапеций; каждый стык отмечала круглая тёмная заглушка.

Тарен замер, забыв вдохнуть.

Коридор проступил целиком. Он уходил под углом от многогранника, а дальний конец терялся в ровной темноте. По обеим сторонам тянулись низкие панели, покрытые плоскими знаками с чертежа. Ни дверей, ни поручней — только пол и стены, словно вырезанные из пространства за стеной лаборатории.

Ирина не сводила глаз с пола. Первый ряд плит совпал со схемой, второй — тоже. На третьем обнаружился разрыв — точно там, где на плане технического кольца находился служебный люк.

— Вот, — сказала она.

Коридор дрогнул. Темнота стянулась в одну линию и исчезла.

Левая секция снова зажглась. На полу осталась обычная тень многогранника.

Тарен шагнул к стене, но не пересёк тёмную границу.

— Я видел коридор, — сказал он тихо.

— Да, — ответила Ирина.

— Камеры его не покажут?

— Нет.

— А мы только что видели часть технического кольца.

Каден опустил планшет.

— Коридор совпадает с внутренним проходом.

— Вы видели его тогда? — спросила Ирина.

Он встретил её взгляд. В коротком молчании она услышала больше, чем во всех его прежних ответах.

— Во время аварии я видел нечто похожее.

— И не внесли это в отчёт.

— Нет.

— Почему?

— Я не мог подтвердить, что видел. А потом уже не мог признаться, что скрыл это.

— Удобная последовательность.

Каден сжал губы. Восс шагнула к лабораторному терминалу и вызвала схему изоляции.

— Ирина, подготовьте объект к герметизации лабораторного сектора. Перекройте сопряжённые каналы и переведите шлюзы на ручное управление.

— Если коридор связан с кольцом, герметизация может отрезать участок станции, который всё ещё существует.

— Тогда мы узнаем, что связь физическая.

— А если он не внутри станции?

— Тем более нельзя позволить ему расширяться.

— Мы не знаем, что значит «расширяться».

— У нас нет времени ждать, пока выясним.

Тарен взглянул на панель изоляции.

— Отключать питание объекта бессмысленно, — сказал он. — Он не берёт энергию из лаборатории. Если обесточим сектор, останемся без датчиков и аварийных замков.

Восс сразу перевела взгляд на схему.

— Тогда питание не трогаем. Изоляцию — только по моей команде. Тарен, охраняйте лабораторию. Никого не пропускать, кроме меня и Ирины. Если тень изменится, докладывайте немедленно. Каден передаст мне все материалы, связанные с кольцом и последней передачей Антона.

— Вы запретите мне работать с объектом? — спросила Ирина.

— Я поручаю вам подготовить его к изоляции.

— Это не одно и то же.

— Сейчас это всё, что я могу поручить.

Голос Восс оставался ровным, но на миг её пальцы сжались на краю терминала. На экране расчёты реактора сменились цифрами таймера: 74:31:06. Внизу высветилось предупреждение о необходимости полной мощности контура.

Ирина посмотрела на пустое пространство за многогранником. Если техническое кольцо по-прежнему существовало, изоляция могла перекрыть единственный доступ к нему. Но откажись она — Восс поручит подготовку кому-то другому, кто увидит в аномалии лишь помеху запуску.

— Я подготовлю контур, — сказала Ирина. — Но ничего не запечатаю без повторной проверки сопряжения.

Восс выдержала паузу.

— Подготовите. Проверку проведём вместе.

Командор направилась к выходу. Каден двинулся следом, но остановился, когда Ирина позвала его.

— Сорок семь секунд. Вы принесёте мне фрагмент записи.

— Да.

— Сегодня.

— Сегодня.

Восс обернулась, не скрывая нетерпения.

— Каден, со мной.

Он вышел за ней. Тарен остался у шлюза, выставя постовой замок. Ирина отвернулась к терминалу изоляции. Первый контур требовал ручной настройки: перекрыть вентиляцию, выровнять давление, получить контрольный сигнал с двух соседних секций. Она ввела параметры и дождалась подтверждения готовности.

За спиной щёлкнуло.

Тарен мгновенно повернулся. У самой границы тени лежал короткий металлический болт. Ни отверстия, ни панели, ни открытого люка поблизости не было. На головке темнели три насечки под короткой дугой.

Ирина узнала эмблему «Тессеры» с угла старого чертежа.

На контрольном датчике контейнера всё ещё горел зелёный огонёк. Пломба оставалась целой.

Болт из потерянного кольца

— Не подходи, — сказала Ирина.

Тарен застыл у шлюза, не отнимая руки от панели постового замка. Болт лежал у самой границы тени — короткий, с широкой головкой; три насечки под дугой проступали даже в рассеянном лабораторном свете. Вентиляцию перекрыли, давление выровняли, датчики соседних секций светились зелёным. Плomba на контейнере с тросом оставалась целой.

В лаборатории не было ни люка, ни технологического отверстия, ни третьего человека. И всё же болт появился здесь.

Тарен посмотрел на собственные ботинки, будто проверял, не притащил ли он деталь на подошве.

— Не подходи, — повторил он. — Это ты мне говоришь или себе?

— Пока обоим.

Ирина придвинула к границе оптическую стойку. Камера на гибком держателе охватила болт крупным планом, не пересекая тёмную полосу. На экране головка казалась почти новой: холодный блеск, острые края, будто деталь только что вынули из упаковки. Ирина подняла боковой свет. На резьбе выступила тонкая серая корка, а в одном углублении темнело рыжее пятно.

— Выглядит свежим, — сказал Тарен.

— Головка — да. Резьба старше.

Она переключила спектральный режим. Экран окрасился в пятна: металл, окислы, следы чужой пыли. Ничто не позволяло уверенно связать болт с красным порошком из контейнера.

Тарен закрыл постовой замок. Щелчок прозвучал сухо и буднично, но оба невольно посмотрели на тень.

— Контейнер запечатан, — сказал он. — Датчик не моргнул. Болт появился за моей спиной, пока я смотрел на дверь.

— Я видела.

— Значит, запись камеры нам не поможет.

— Камера уже однажды потеряла пять целых две десятых секунды.

— При запуске контура, в 08:10:02. Не сейчас.

— Ты говоришь так, будто у нас есть правило, по которому сбой случается лишь однажды.

Тарен перевёл взгляд на неё. Под нижними веками залегли тени; сухие губы он несколько раз сжал, прежде чем ответить.

— Я говорю, что сейчас не полез бы туда рукой.

Ирина взяла со стола керамические щипцы. Руки у неё не дрожали, но пальцы сжались сильнее, чем требовалось. Болт не качнулся, когда концы щипцов коснулись головки. Его удалось поднять с обычной стороны границы, не погружая металл в тень. Ирина перенесла деталь в прозрачную изолирующую чашу, защёлкнула крышку и отодвинула её на край стола.

— Теперь можно дышать? — спросил Тарен.

— Вентиляция всё равно закрыта.

Он коротко усмехнулся, без веселья.

Ирина отправила вызов Восс. Командор ответила не сразу; в трубке глухо отдавались её шаги по металлическому коридору.

— Говори.

— Вернитесь в лабораторию. Болт со знаком «Тессеры» лежал у границы тени. Камеры ничего не зафиксировали.

Пауза длилась всего миг, но Ирина успела услышать, как Восс остановилась.

— Вы его трогали?

— Перенесла щипцами в изолирующую чашу. Контейнер с тросом не вскрывали.

— Каден со мной. Будем через несколько минут. Ничего не запускайте до моего возвращения.

Связь оборвалась.

— Она сказала: ничего не запускать, — заметил Тарен.

— Я услышала.

— А ты уже думаешь о зонде.

— Я думаю о том, что болт появился возле коридора, которого здесь нет.

— Отлично. Значит, у нас совпадают хотя бы две мысли.

Он вернулся к шлюзу, не отходя далеко. Ирина сняла с чаши несколько ракурсов, внесла время и показания датчиков в журнал. Первоначальное впечатление о новизне детали не исчезло, но теперь казалось обманчивым: чистая головка, потёртая резьба, коррозия под краем шайбы — следы разного времени. Не аккуратная работа мастера, а вещь, долго пролежавшая в месте, куда не проникал воздух станции.

В дверь постучали. Тарен открыл шлюз, только проверив идентификаторы. Восс вошла первой, всё ещё в форменной куртке, застёгнутой до горла. Каден шёл следом, обеими руками держа планшет, будто тот весил больше, чем выглядел.

— Покажите, — сказала командор.

Ирина подвинула чашу к краю стола. Восс не коснулась её, лишь наклонилась, изучая головку, резьбу и рыжие следы коррозии.

— Эта маркировка есть на чертеже кольца, — произнёс Каден. В его голосе звучало не столько узнавание, сколько тревога. — Три насечки и дуга. Так обозначали монтажную партию.

— Вы знали, что болты оттуда пропали? — спросила Ирина.

— Я знал, что кольцо объявили разрушенным. Это разные формулировки.

— В вашем отчёте они звучали одинаково.

Каден выдержал её взгляд. Пальцы сильнее сжали планшет, костяшки побелели.

— Да.

Восс выпрямилась.

— Разбор отчёта будет позже. Сейчас мне нужно понять, опасен ли этот предмет для станции.

— Мы пока не знаем, откуда он взялся, — сказала Ирина.

— Именно поэтому я запретила что-либо запускать до своего возвращения.

— Зонд даст больше, чем камера снаружи.

— И может привести сюда то, что не должно сюда попасть.

— Оно уже здесь, — отозвался Тарен. — На столе.

Восс повернулась к нему.

— Вы отвечаете за безопасность прохода. Считаете его безопасным?

— Нет.

— Тогда возражений быть не должно.

Тарен не отвёл глаз.

— Я считаю, что нам надо понять, что там, прежде чем кто-нибудь полезет туда сам. Зонд — не человек.

Восс помолчала. На секунду Ирина увидела не командора, которой предстояло удерживать станцию и защитить Новый Арал, а женщину, привыкшую оплачивать каждый промах чужими жизнями. Потом лицо Восс снова стало непроницаемым.

— Один запуск. Короткий. Если изменится давление или линия натянется сверх расчёта, вытягиваете его немедленно.

— Согласна, — сказала Ирина.

— И никакого входа следом.

— Я слышала.

Каден придвинулся к изолирующей чаше. Включив лампу планшета, он направил свет на болт, не открывая крышки.

— Если это деталь кольца, её могли разместить здесь намеренно.

— Скрытое устройство? — спросила Восс.

— Или часть устройства, которое мы считали уничтоженным. Проект «Тессера» строили люди. У нас были схемы сопряжения, техническое кольцо, доступ к этой лаборатории. Человеческая конструкция объяснила бы маркировку и присутствие детали на станции.

— Но не то, как она миновала запечатанную лабораторию, — сказала Ирина.

— Пока не объяснила, — согласился Каден. — Но мы уже обнаружили, что записи о катастрофе неполны.

Восс скрестила руки на груди.

— Есть и другое объяснение. Кто-то воздействует на станцию извне. Щит запустят через три дня. Если объект способен проникать в изолированные секции, он может быть не случайностью, а вмешательством.

— Откуда? — спросил Тарен. — Наружная обшивка цела. В журнале обхода пробоев нет.

— Отсутствие пробоя не исключает воздействия.

— А странный болт не доказывает, что у нас враг снаружи.

— Я не утверждала обратного.

Они спорили так, будто каждый держал в руках свой край одной и той же детали, а посередине оставалось пустое место. Их версии расходились и обрастали предположениями; на столе лежал болт, который не подтверждал ни одну. Просто металл, извлечённый из закрытого пространства. Никто не видел, как он там появился.

— Зонд, — сказала Ирина. — Если он пройдёт через тень и вернётся с изображением, у нас будет ещё один слой данных.

— Ещё один прибор, который может врать, — ответил Тарен.

— Тогда пусть врёт с тросом на твоём тормозе.

Солнечный свет с орбитальной стороны станции давно ушёл за корпус, и освещение в лаборатории сменилось: потолочные панели стали холоднее, тени — резче. Ирина открыла шкаф с аварийным оборудованием. Миниатюрный зонд «Скат-3» лежал в пенном гнезде: компактный корпус, четыре складных ротора, камера на шарнире и клешня для захвата деталей. Его предназначали для проверки узких технических каналов и повреждений за перегородками, но не для полёта в пространство, которое расширялось быстрее, чем он мог его пересечь.

Тарен достал страховочную катушку. Трос был тонким, многослойным: волокно, проводник, изоляционная оболочка. Он закрепил конец на корпусе зонда, проверил карабин и провёл линию через ручной тормоз. Затем прижал основание катушки к полу двумя магнитными захватами.

— Если пойдёт рывок, за сам трос не хватайся, — сказал он Ирине. — Может обжечь ладонь.

— Я буду следить за давлением и изображением.

— А я — за тем, что происходит на этом конце.

Каден занял место у архивного терминала. Восс осталась возле шлюза, откуда могла видеть и экран, и тень, и всех присутствующих. Она проверила связь с командным залом; на её наручном дисплее вспыхнул отсчёт до запуска орбитального щита.

На панели горело: «День 4, 18:00». До запуска оставалось семьдесят один час тридцать минут.

Ирина подключила зонд. Камера выдала чистое изображение лаборатории, потом медленно повернулась к многограннику. Чёрный объект с рёбрами ровно по двести десять мил-

лиметров по-прежнему исчезал на прямой записи. На экране оставался пустой участок пола, зато его тень — тёмный коридор — тянулась от основания к сплошной стене.

Ирина направила «Ската» к началу тени.

— Давление? — спросила она.

— В лаборатории сто одно и два, — ответил Тарен. — Вокруг зонда то же самое.

— Тяга?

— Нулевая. Линия свободна.

Она включила запись и подвела зонд к самой кромке. Роторы сбросили мощность. Маленький аппарат замер над полом так близко, что его нижний свет отражался на гладком покрытии.

— Первый метр, — сказала Ирина. — Медленно.

«Скат» скользнул вперёд.

На камере возник узкий коридор. Изображение не дрогнуло, хотя перед зондом в лаборатории была сплошная переборка. Потолок казался низким, стены — близкими; свет «Ската» выхватывал сероватые полосы, будто на поверхностях осела пыль. Лазерный дальномер отозвался коротким писком.

— Два и восемь, — прочитала Ирина.

— До стены? — спросила Восс.

— До ближайшей поверхности.

Тарен провёл большим пальцем по тормозу катушки.

— По тросу ушёл метр и двадцать.

— Дальномер смотрит под углом.

— Возможно.

Зонд двигался дальше. Узкий коридор медленно расширялся, хотя камера оставалась неподвижной относительно аппарата. Сначала разошлись стены, потом высоко над ними возникла наклонная балка. На её поверхности лежала густая тень, не похожая на ту, что отбрасывал свет «Ската».

Ирина развернула трёхмерную сетку. Лазерные отметки легли на изображение редкими точками.

— За коридором открывается больший объём, — сказала она.

— Насколько? — спросил Каден.

— Пока не могу сказать. Сетка теряет опоры. — Ирина сменила угол камеры. — Здесь нет параллельных линий.

— Значит, камера не откалибрована для такой дистанции, — сказал Тарен. — Ей нужен контрольный ориентир.

— Если это линза, почему она меняет расстояние между стенами? — спросила Восс.

— Потому что мы не знаем, как здесь обрабатывается изображение.

Зонд продвинулся ещё на полметра. На глаз коридор расширился настолько, что в нём мог бы поместиться человек, раскинув руки. По отметкам дальномера ближайшие поверхности будто разом отступили на несколько метров.

— Трос, — сказала Ирина.

Тарен медленно дал слабину. Катушка послушно провернулась. Его ладонь оставалась на тормозе, вторая рука лежала на датчике натяжения.

— Платформа прошла три метра восемьдесят. Тяга ровная. Давление не изменилось.

— По моему экрану до конца коридора больше двадцати метров.

— По тросу — меньше четырёх.

— Я вижу.

Зонд миновал поворот, которого секунду назад не существовало. Камера качнулась, и узкое пространство раскрылось в помещение. Свет «Ската» пробежал по изогнутым рёбрам,

ряду круглых гнёзд и длинной дуге металлического каркаса, уходившей за пределы изображения.

Ирина замерла над панелью. Внутреннее устройство технического кольца «Тессеры» сохранилось в её памяти лишь фрагментами: одни она помнила по чертежам, другие — по мысленным моделям, которые когда-то строила быстрее, чем успевала записывать. Сейчас знакомый контур совпал с видеорядом так резко, что Ирина непроизвольно отодвинулась от экрана.

— Это не лабораторная секция, — сказал Каден. — Посмотрите на узлы сопряжения.

— Зонд внутри кольца? — спросила Восс.

— Камера показывает его конструкцию.

— Камера показывает картинку, — отозвался Тарен. Он не повысил голоса, но чуть сильнее натянул трос. — Пока я не почувствовал, что зонд во что-то упёрся, мы не знаем, где он находится.

— Ты чувствуешь линию, — сказала Ирина. — Не то пространство, в котором она проходит.

— Именно.

Она повернула зонд на девяносто градусов. На экране возникла гладкая переборка с несколькими утопленными креплениями. Одно гнездо пустовало, его края потемнели. Внизу виднелась полоска красно-коричневой пыли.

Ирина посмотрела на контейнер с образцом. Пломба оставалась целой, датчик — зелёным.

— Камеру ниже.

«Скат» накренился. В свободном гнезде коротко блеснуло. Болт, почти полностью втянутый в крепление, держался на последнем витке резьбы. Головка была обращена к камере.

— Вот он, — произнесла Восс.

— Клешней не трогай, — сказал Тарен. — Сначала проверь, не соединён ли он с чем-нибудь.

Ирина вывела на экран контур крепления. Лазерные точки ложились неровно, но рядом с болтом не обнаруживалось ни кабеля, ни металлической пластины, ни второй детали. Внутри гнезда уходила темнота.

— Пусто.

— Или дальномер не видит материал.

— Тогда не будем выяснять это через час, когда аккумулятор зонда сядет, — сказал Каден.

Восс бросила на него быстрый взгляд.

— Это вы предлагаете ускориться?

— Я предлагаю не отступать от данных из-за страха перед ними.

Тарен резко подтянул линию на пару сантиметров. Зонд покачнулся, и крепление пропало из кадра.

— А я предлагаю не потерять аппарат, который может вернуться с ответом.

Ирина вернула камеру к гнезду. Клешня раскрылась.

Болт сопротивлялся. На экране дрогнула головка, сдвинулась на миллиметр и снова застыла. Тарен придерживал тормоз, отслеживая тягу по механическому датчику.

— Натяжение растёт, — сказал он. — Пять ньютонов.

— Ещё чуть-чуть.

— Ирина.

Она остановила движение клешни. Несколько секунд зонд висел перед креплением, освещая ржавчину на резьбе. Потом Ирина переключила захват на вращение. Клешня медленно повернулась. Болт вышел из гнезда, и на его месте открылся тёмный круг.

Система записала всплеск натяжения, затем показания вернулись к прежним.

— Есть, — сказала Ирина.

Тарен не ответил. Он смотрел на катушку.

— Отводи, — приказал он.

— Я веду.

— Тогда быстрее.

Она направила «Ската» по пройденному маршруту. На экране помещение снова превратилось в коридор, затем сузилось до полосы. Ирина старалась удержать в уме форму пространства, но каждый поворот рушил предыдущий расчёт. Дальность до стен скакала, будто зонд то приближался к ним, то отступал. Трос вытягивался ровно, без рывков.

Когда аппарат оказался у границы, его огни осветили лабораторный пол. Тарен перехватил катушку обеими руками и вытащил «Ската» на обычную сторону, не позволяя корпусу задеть тень.

Только тогда Ирина разжала пальцы. На ладонях остались красные следы от краёв панели.

— Давление? — спросила она.

— Всё время стабильное. Сто одно и один, плюс-минус погрешность. Натяжение без провала. Трос цел.

Восс посмотрела на болт в клешне зонда.

— Теперь у нас второй.

Каден щипцами перенёс найденную деталь в чистую капсулу и сам закрыл изолирующую крышку.

— Сначала макросъёмка через крышку, — сказала Ирина. — Потом вскрытие.

— Конечно.

— Не говорите «конечно» так, будто я обязана вам поверить.

Каден взглянул на неё поверх капсулы.

— Ты не обязана.

Ирина перевела взгляд на маленькую деталь под прозрачной крышкой. На головке повторялись три насечки под дугой. Но этот болт выглядел старым и без подсказок: ржавые края, тёмная полоса вокруг шайбы, мелкие сколы покрытия. Ирина попросила боковую лампу и приблизила изображение.

Под слоем коррозии возле шестигранной площадки проступили знаки. Сначала неразборчивые, потом один за другим сложились в маркировку.

TR-04-118.

Каден тихо втянул воздух.

— Вы знаете этот номер? — спросила Восс.

Он уже открыл архивный каталог. Планшет обновлял страницы несколько секунд, затем вывел скан старой схемы технического кольца — того самого чертежа, копия которого лежала у Ирины в папке. На полях были нанесены узлы сборки и обозначения монтажных партий.

Каден увеличил участок с меткой.

TR-04-118.

— Это номер секции? — спросил Тарен.

— Серийный номер кольца, — ответил Каден. — Так маркировали крепёжный комплект четвёртой сборки. Партия сто восемнадцать — стык внутренней дуги.

Ирина сняла увеличительное стекло. Края букв были забиты коррозией. Под головкой проступал узкий слой покрытия — тот же тип эмали, которым красили конструкции «Тесеры». Это была не свежая царапина и не знак, нанесённый поверх чистого металла.

— Сколько лет? — спросила она.

— Профиль окисления совместим с двенадцатью годами хранения, — сказал Каден. — Не до дня. Но болт не мог состариться за последние недели.

Тарен потянулся за защитной перчаткой, но передумал и оставил её лежать на столе.

— Значит, это деталь исчезнувшего кольца, — сказала Восс.

— Или деталь с маркировкой исчезнувшего кольца, — возразил Тарен. — Разница важна.

— Вы говорите о подделке?

— Я говорю, что прибор вернул нам металл, но за его происхождение пока отвечает штамп на головке. Хороший штамп. Старый. Убедительный. Но штамп.

Каден закрыл архивный экран.

— Если кто-то собрал скрытый механизм на базе кольца, он мог использовать старые детали. Внутренние узлы проходили через наши руки. Я руководил проектом, и всё же не могу утверждать, что каждый отсек попал в итоговые планы.

— Вы считаете, что «Тессера» построила помещение за этой стеной? — спросила Ирина.

— Я считаю, что мы не нашли всех чертежей. После аварии я подписал отчёт, в котором техническое кольцо числилось разрушенным. Так было удобнее, чем записать, что часть конструкции исчезла.

Восс резко повернулась к нему.

— Вы подписали не «удобнее». Вы подписали ложь.

— Да.

Каден произнёс это без защиты, и в лаборатории стало тише, чем прежде. Ирина смотрела на него, пытаясь уловить знакомую черту старого руководителя: мягкость голоса, аккуратные паузы, умение признать ровно ту часть вины, которую уже невозможно скрыть. Теперь Каден не смягчал слов, но доверие от этого не возвращалось.

— Скрытое устройство объяснило бы маркировку, — сказала Восс. — Возможно, кто-то оставил внутри кольца систему, способную открывать проход.

— Тогда почему оно возникло в оптической лаборатории именно сейчас? — спросила Ирина.

— Станция готовится к запуску щита. Объект легко повредить. Кто-то может хотеть, чтобы мы тратили время на него вместо подготовки.

— Для такого плана нужно знать о контуре.

— На станции не все секреты остались секретами.

Тарен снял катушку со стопора и медленно провёл ладонью вдоль троса, нащупывая каждый участок, будто проверял живую ткань.

— Вы обе говорите о том, что видите на экране, — сказал он. — А я держал линию. Она ушла в тень и вернулась. Это физика. Камера может растянуть картинку, дальномер — взять отражение от неизвестной поверхности, а синхронизация — отстать. У нас уже есть запись, где пропали пять секунд. Если «Скат» шёл по обычному техническому ходу, а сенсоры превратили его в зал, мы получим именно такую картинку.

— Обычный ход за цельной переборкой, — сказала Ирина.

— Я не сказал, что знаю, где он. Я сказал, что датчики не доказали нам: там большой зал.

— А болт? — спросила Восс.

— Он существует. Лежит в капсуле. Но я не знаю, когда его туда положили и как он прошёл через границу. Это всё.

Его осторожность была не трусостью, а способом держаться за то, что можно проверить руками. Ирина вспомнила, как он удерживал трос, не отрывая глаз от натяжения, даже когда экран раскрыл перед ними целое помещение. Он мог поддаться зрелищу, но выбрал ладонь, боль и сопротивление линии.

— Версия внешнего вмешательства объясняет, почему детали оказались здесь, — сказала Восс. — Версия Кадена — почему они принадлежат кольцу. Твоя — почему картинка может быть ложной. Ни одна не объясняет всё.

— Поэтому мне нужен ещё один запуск, — сказала Ирина.

— Нет, — отрезала Восс.

— Зонд вернулся. Кольцо существует там, где его не должно быть. Если остановимся, ты будешь готовить контур вслепую.

— Я сказала нет.

— До запуска щита семьдесят один час. Если часть конструкции тянется через тень, она может нарушить сопряжение. Ты сама велела подготовить контур и ничего не запечатывать, пока я не проверю его повторно.

Восс выдержала её взгляд, затем медленно посмотрела на капсулу с болтом.

— Один повторный проход. Без извлечения других предметов. Измерить границу, проверить давление и вернуться. Потом пауза до моего решения.

Тарен снял перчатки и положил их на катушку.

— Мы не успеем сегодня провести полный анализ.

— Никто и не просит полный анализ, — ответила Восс.

Ирина посмотрела на часы. Было 18:27. За экраном внешнего обзора станции вращалась ночная сторона планеты; тусклые огни терялись в облачном слое. На панели щита продолжал убывать отсчёт.

Она открыла повторную запись зонда, собираясь показать Восс тот участок, где изображение впервые расширилось. Но на мониторе возник узкий серый коридор без дуги и пустых креплений. «Скат» висел у входа в тень, клешня была пуста.

— Запись обрезана? — спросила Восс.

— Нет, — сказал Каден, выводя на терминал необработанный буфер. — Вот оригинал. На записи зонд всё так же висел у границы, а впереди тянулся пустой коридор.

Ирина открыла собственный локальный файл, сохранённый напрямую с камеры. На нём помещение с дуговым каркасом было видно ясно; болт блестел в клешне, а в глубине уходили во тьму рёбра технического кольца.

Тарен посмотрел на шкалу катушки.

— По механическому счётчику зонд прошёл пять метров восемьдесят. Я чувствовал, как линия выходит и возвращается.

Восс развернула свой командный дисплей.

— На моей записи аппарат всё время стоит у границы.

Три записи показывали один и тот же промежуток времени.

Три разных пространства.

На часах сменились цифры: 18:30.

Восс отключила дисплей, но не убрала его. Её взгляд задержался на Ирине, потом перешёл к Тарену и Кадену.

— Никто не перезаписывает файлы и не покидает лабораторию, пока я не получу три отдельных показания, — сказала она. — Каждый расскажет, что видел сам. Не что ему показал чужой экран.

Три несовпадающих показания

Восс поставила на край стола три коротких накопителя в прозрачных пломбируемых футлярах.

— По одному. Сначала каждый опишет то, что видел сам: без чужих формулировок и повторного просмотра. Потом сравним записи.

Красные лампочки загорелись почти одновременно. Одна опоздала на долю секунды. Восс заметила, сняла футляр и поменяла накопители местами.

— А если я уже видел чужую запись? — спросил Каден.

— Укажите, когда именно. И не приглаживайте рассказ, чтобы он звучал удобнее.

Тарен опустил взгляд на серую шкалу механического счётчика. Отметка 5,80 всё ещё держалась на ней, словно зонд не вернулся и по-прежнему тянул за собой линию из темноты. Тарен провёл пальцем над стеклом, не касаясь его.

— Кто первый?

— Ирина.

Восс отвела её к узкому калибровочному отсеку в стене лаборатории. Матовые створки гасили свет мониторов, а микрофон записывал голос на отдельную память. Через прозрачную полосу у пола Ирина видела неподвижные ботинки Тарена и край изолирующей чаши с болтом.

Красный огонёк отразился в стекле.

— Назовите время и своё имя, — сказала Восс из-за створки.

Ирина назвала. Потом положила обе ладони на столик, чтобы не смотреть на пальцы.

— На локальной записи «Скат-3» пересекает границу тени и проходит в коридор. Я вижу дуговой каркас. Рёбра технического кольца уходят от входа в глубину, и чем дальше, тем меньше расстояние между ними. Болт зажат клешнёй зонда. На обратном ходу видны два крепления слева; одно повреждено.

Она говорила ровно, как на защите проекта. В голове сами собой выстраивались линии: край тени, положение корпуса зонда, угол дуги. Стоило назвать расстояния, и лабораторный отсек словно терял плотность — под знакомыми плоскостями проступала другая, невозможная геометрия.

Ирина сильнее прижала пальцы к столу.

— Файл сохранён напрямую с камеры. Я не сводила его с командной записью и не накладывала калибровку. На моём изображении зонд проходит внутрь.

Восс не перебила. Огонёк погас, створка разошлась.

Тарен вошёл, сдёргивая рабочую перчатку. Он задержал взгляд на Ирине, будто хотел спросить, как она, но лишь кивнул и занял её место.

Его рассказ вышел короче.

— Механический счётчик показал пять метров восемьдесят сантиметров. Катушка разматывала линию под нагрузкой. На обратном ходе сопротивление выросло: трос мог задеть край или за что-то зацепиться. Я держал его рукой. Провисания не было.

— Вы видели коридор? — спросила Восс.

— Я видел линию, уходившую в тень. Коридор — на экране Ирины. — Тарен посмотрел на неё поверх плеча. — Не стану говорить, будто видел то же самое.

Он снял вторую перчатку, словно только сейчас вспомнил требование Восс говорить о собственном восприятии.

— На вернувшемся тросе была красная пыль. Крошки зацепились за оплётку у наконечника. Зонд вернулся с болтом в клешне. Я следил за линией на подаче и на обратном ходе: пять восемьдесят в одну сторону, столько же обратно.

— Что показывал ваш экран?

— Зонд оставался у входа. Клешня была пустой. Но натяжение я чувствовал рукой, слышал катушку. Трос шёл под нагрузкой.

— Зафиксируйте.

— Уже.

Тарен вышел. В отсек вошёл Каден. Он двигался медленно, придерживая ладонью запястье, и с первого раза промахнулся мимо стула. Усевшись, расположил руки по обе стороны от микрофона с такой аккуратностью, словно собирался читать лекцию прибору.

— Я наблюдал командный дисплей. Аппарат оставался на границе тени. Пространство за ней на моей записи было прямым и пустым: ни дуги, ни креплений. Во время прохода клешня казалась пустой. Показания счётчика Тарена я видел на отдельной шкале, но с командным видео тогда не сверял.

Каден помолчал, глядя на красную точку микрофона.

— Я не видел, как зонд проходил внутрь. На обратном ходе он вернулся с болтом.

Когда Каден вышел, Восс забрала последний накопитель. В отсеке она записывала дольше всех. Ирина слышала только гул лабораторного оборудования; слова командора оставались за створкой.

Восс вернулась с накопителем в руке.

— Все три файла запечатаны. Копии создадим отдельно, после проверки пломб.

На стенном индикаторе сменилось время: 18:51. Восс посмотрела на Тарена, затем на Ирину.

— Медицинский отсек. Сканирование обоих. Каден остаётся здесь и охраняет образцы. К общей сети их не подключать.

— Мы никуда не собирались, — отозвался Каден.

— Вот и продолжайте.

Восс заблокировала вход в лабораторию, вынула ключ из консоли и убрала в нагрудный карман. Ирина невольно взглянула на изолирующую чашу. Болт лежал на тёмном дне, маркировка TR-04-118 смотрела вверх. Самый обыкновенный предмет — и оттого особенно неуместный среди записей, в которых половина людей видела пустое пространство.

Тарен открыл дверь медицинского отсека и пропустил Ирину вперёд.

Здесь пахло озоном и горьким антисептиком. Автоматический диагностический модуль выдвинул два кресла и зажёл на полу синие направляющие. Восс осталась у двери.

— Сначала вы, Сол.

— Конечно. Вдруг я успел отравить её, пока держал трос.

— Вы оба находились в одном помещении и работали с одной линией. Общего воздействия исключить нельзя.

Тарен сел в кресло. Скоба мягко сомкнулась у него на предплечье, перед лицом поднялся прозрачный экран. Аппарат просканировал сетчатку, взял каплю крови, прослушал дыхание через контактные датчики. Тарен смотрел на Ирину сквозь матовое стекло, пока по руке пробежал тонкий голубой свет.

— На вдохе задержка. Повторите дыхательный цикл.

— Даже машина считает, что я драматизирую, — сказал Тарен.

— Машина фиксирует, — отозвалась Ирина.

— Утешительно.

Она почти улыбнулась. Кресло чуть дёрнулось, когда Тарен выбрался из него, и на миг он опёрся о её плечо. Почти невесомо, но пальцы задержались на ткани её рукава ровно настолько, чтобы это нельзя было принять за случайность.

— Теперь вы, — сказал он.

Ирина легла в кресло. Датчики коснулись кожи, над лицом опустилась дуга сканера. Под веками пробежали полосы света. Модуль спрашивал её имя, дату рождения, текущее место, простые последовательности чисел. Она отвечала, пока в наушнике не прозвучало:

— Сходных нейрофизиологических сбоев у обследуемых не выявлено.

Восс шагнула к экрану.

— Общий нейроактивный фактор?

— Следов известных токсических веществ нет. Ионизация в пределах фоновой нормы.

Симметричных реакций на световые и звуковые стимулы не обнаружено.

— Коллективное внушение?

— Диагностических признаков синхронного нарушения восприятия нет.

— То есть? — спросила Восс.

— Признаков общего медицинского воздействия не выявлено.

Сканер втянул дугу, кресло поднялось. Ирина села и опустила ноги на прохладный пол.

— Внушение нельзя измерить как температуру, — сказала она. — Можно проверить свет, звук, химический фон. Но сканер не выведет на экран: «Все увидели одинаковую ложь».

— Я знаю, — резко ответила Восс.

В её голосе не было злости — скорее усталость человека, которому приходится удерживать сразу две двери и нельзя отпустить ни одну.

На обратном пути Тарен шёл рядом, оставляя между ними ровно столько места, сколько требовал узкий коридор.

— Тебе легче? — спросил он.

— У меня нет причины чувствовать себя хуже, чем до сканирования.

— Очень обнадеживает.

— Не всем нужна надежда в медицинском заключении.

— Мне хватило бы строчки: «Сол не умер, не отравился и может дальше раздражать окружающих».

Ирина посмотрела на него. Уголок его рта дёрнулся, но глаза оставались серьёзными.

— Ты мог сказать в показании, что видел коридор.

— Мог.

— Почему не сказал?

Тарен чуть приподнял плечо.

— Потому что не видел. Если начну описывать то, чего не помню, потом сам не отличу память от того, что мне нужно помнить.

Вентиляционный канал над ними гудел низко и ровно. На повороте Тарен придержал дверь, хотя она открывалась автоматически. Ирина прошла, не касаясь его руки, но плечо всё равно отозвалось слабым теплом.

— Спасибо, — сказала она.

— Не делай из этого привычку.

— Из чего?

— Из благодарности. Вдруг я не справлюсь.

Она не нашла ответа, и дверь лаборатории закрылась за ними прежде, чем пауза успела стать неловкой.

Восс уже вернулась к центральному столу. Каден стоял у аналитической стойки, закатав рукава; под прозрачной крышкой спектрометра лежала микрокапля красной пыли. Рядом, в раскрытом контейнере, виднелся смотанный трос. Срезанную пломбу аккуратно приклеили к внутреннему краю крышки.

— Нашли что-нибудь? — спросила Восс.

— Да. Пыль не относится к оболочке троса и не совпадает с покрытиями станции.

Каден увеличил спектральную кривую. На экране выступили узкие пики, почти ровные, пока справа не обозначилась группа линий.

— Основа — железо с никелем. Хром и ванадий в малых долях, есть молибден. Соотношение следовых элементов совпадает с конструкционным сплавом, из которого изготовили несущие дуги технического кольца «Тессеры».

Ирина наклонилась к экрану.

— Совпадает с чем именно?

— С архивными образцами и ведомостями плавов. Этот сплав применяли в кольце. В новых модулях станции его нет.

— Старые инструменты?

— Весь списанный фонд проверен по составу. Совпадений нет.

Каден указал на дополнительные пики.

— Пыль окислена. Она долго находилась во влажной среде, а потом высохла. Для лабораторной подделки пришлось бы изготовить такой материал из металла, которого на «Пороге» нет, выдержать его в подходящей среде, а затем втереть в оплётку троса.

— Пломбу вскрывали до испытания? — спросила Восс.

— Нет. Я разрезал её только сейчас, под камерой.

— Вы подписывали её состояние?

— Да. В журнале.

— Тогда проверьте подпись.

Каден ничего не ответил. Открыл журнал, сверил номер пломбы и коснулся панели. В углу экрана высветилась его электронная подпись, поставленная в день извлечения образцов. Совпала и фотография целого шва контейнера.

— Пломба цела, — сказал он.

— По журналу, который вы однажды подделали.

Каден прикрыл глаза. На этот раз задержал их закрытыми дольше, чем требовалось для короткого моргания.

— Да.

Ирина перевела взгляд на красную крупинку в спектрометре. Она была меньше песчинки, но за ней вставало кольцо — уже не обломок на архивной схеме и не перечёркнутая запись в отчёте, а металл, прошедший через границу, которой она не умела дать имя.

— Значит, пыль могла остаться на старом тросе, — сказал Тарен. — С какого-нибудь ремонтного обрезка.

— Нет, — ответил Каден. — Трос «Ската» изготовлен из композитной нити. Сплавом его не покрывали. На оплётке нет следов контакта с металлической кромкой у границы тени.

Он уменьшил изображение, убрав спектр с главного экрана.

— Пыль попала на него с той стороны.

Слова повисли над столом. Никто не стал уточнять, о какой стороне речь.

Восс подошла к изолирующей чаше, но болта не коснулась. За толстым стеклом маркировка казалась начерченной прямо на дне.

— Если зонд не двигался, кто-то подбросил болт. Если запись подменили, подделаны четыре независимые записи, а на тросе оказались настоящее вещество и маркировка кольца. Если вы трое увидели одно и то же, обследование должно было найти общий след. Оно ничего не нашло.

— У нас четыре записи, — сказал Каден.

— Три показания и моё.

— И механический счётчик, — добавил Тарен.

— Вот его и проверим. Независимое хранилище лаборатории. Не рабочую копию и не резерв из командной сети. Физический модуль.

Тарен оглядел стену с панелями.

— Он под северной стойкой. Давно не открывал.

— Откройте.

— Там пломба обслуживания.

— Сначала проверьте её. Снимите под камерой и внесите в журнал.

Каден убрал спектральную кассету в защитный футляр. Тарен опустился на колено и откинул нижнюю панель стойки. Внутри обнаружился прямоугольный металлический блок с герметичным портом и тусклой наклейкой техобслуживания. Дата выцвела, но ещё читалась: двенадцать лет назад.

Ирина сглотнула.

— Резерв до обновления сети, — сказал Каден. — Отдельное питание, собственный накопитель. Камера лаборатории писала туда напрямую.

— Почему вы не сообщили о нём раньше? — спросила Восс.

— Он не подключён к текущей системе. Я не считал его рабочим источником.

— Это причина, не ответ.

— Другой у меня нет.

Восс протянула руку. Тарен снял блокировку, сфотографировал пломбу и сорвал её с тихим хрустом. Тяжёлый архив вышел из гнезда так холоден, словно пролежал не двенадцать лет, а всю историю станции. На боку не было сетевого разъёма — только контактная площадка для ручного считывателя.

Каден установил модуль в изолированный терминал. Восс встала у него за плечом. Тарен остался у открытой панели, придерживая кабель, чтобы тот не коснулся корпуса объекта. Ирина следила за чёрным многогранником. Его рёбра — ровно по двести десять миллиметров каждое — не отражали ни синего света терминала, ни белой полосы потолочной лампы.

— Часы хранилища отстают на две целых семь десятых секунды, — сказал Каден. — Корректирую вручную, не по сети.

Он вывел на экран изображение лаборатории и положил рядом временную шкалу командной записи.

— Своди по моему движению, — сказал Тарен.

На архивном видео он пересекал лабораторию до прохода зонда и нажимал кнопку ручного тормоза катушки. Индикатор вспыхивал сразу на двух записях. Тарен приложил к ним данные механического счётчика. Шкалы сдвинулись, затем сцепились.

Восс наклонилась к экрану.

— Покажи только нужный участок.

Каден поставил курсор в начало записи.

Архивное изображение было плоским и холодным. На столе стоял чёрный многогранник; рядом — катушка, клешня зонда, изолирующая чаша. Узкое поле старой камеры съедало всё, что подсказывало глубину.

Тень от многогранника была короткой, не длиннее пальца. Тарен касался катушки. Его плечо напряглось, и счётчик начал двигаться. Тень вытянулась от основания фигуры, коснулась первой риски на калибровочной пластине, пересекла вторую.

В тот же миг на записи Ирины открывался коридор.

— Ещё раз, — сказала Восс.

Каден запустил участок снова. Тарен положил ладонь на стойку и подался вперёд.

— Вот первый щелчок. Смотри на шкалу.

Край тени сдвинулся. На механическом счётчике появилась следующая отметка. Ещё щелчок — ещё движение. Ничего не перескочило и не пропало. Длина темноты менялась с каждым оборотом катушки, хотя многогранник не двигался и не заслонял калибровочную пластину.

Ирина поймала себя на том, что наклонилась к экрану, будто так могла увидеть больше. На соседних записях зонд либо уходил по коридору с дуговым каркасом, либо оставался неподвижен перед прямой пустотой. Здесь он казался точкой у самой кромки.

— Частота кадров? — спросила Восс.

— Двадцать четыре целых две десятых. Камера писала на собственную память, питание шло от аварийной батареи.

— Замедли.

Изображение распалось на зерно. Тень всё так же ползла к калибровочным меткам. Там, где на записи Ирины проступали металлические рёбра, архивная камера показывала лишь темноту.

— В начале зонд оставался на месте, — сказала Ирина. — А эта тень двигалась.

Когда счётчик остановился на 5,80, она достигла последней видимой риски. На обратном ходе отступала тем же мерным шагом. На записи Ирины клешня возвращалась с болтом. На командном дисплее она оставалась пустой.

Восс попросила показать начало и конец ещё раз. Проверила подпись файла, серийный номер модуля и дату его установки. Каден молча передавал ей страницы журнала. На третьем повторе он так сильно сжал край стола, что побелели костяшки.

— Камера не могла получать данные со счётчика, — сказал Тарен. — Он механический. Передачи нет.

— Знаю.

— И счётчик не получал изображение.

— Я знаю, Сол.

Ирина не отрывала взгляда от калибровочных рисок. Тень проходила по ним одну за другой, но не ложилась на поверхность. Она двигалась так, словно снаружи была видна лишь часть прохода, по которому кто-то шёл.

— А если это отражение? — спросил Каден.

— Отражение чего? — Ирина приблизила две соседние рамки. На первой край тени ещё не достиг риски, на следующей проходил точно по её середине. Фокус не изменился, многогранник не сдвинулся. — Отражение обязано было бы зацепить что-нибудь ещё: освещение, блик на корпусе, положение клешни. Здесь ничего подобного.

— Для подмены пришлось бы подчинить одной фальшивке независимую камеру, механику катушки, счётчик и образец на тросе, — произнесла она медленно, подбирая слова. — И зачем-то оставить три несовпадающих изображения.

— Возможно, всё подготовили задолго до испытания, — сказал Каден. — Не сейчас.

Ирина повернулась к нему.

— Ты хочешь сказать, что подстроили двенадцать лет назад?

— Я не имею права исключить то, чего не могу проверить.

— Ты уже исключал то, чего не проверил.

Каден не отвёл глаз.

— Да.

В его голосе не было просьбы о прощении. Ирина заметила это и разозлилась ещё сильнее: он не пытался обменять признание на её доверие.

Восс остановила запись. На экране застыла лаборатория — и никто уже не мог принять её за пустую.

— До срока остаётся меньше трёх суток, — сказала она. — Восемнадцать тысяч человек на Новом Аrale зависят от того, что мы сделаем к четвёртому дню.

Она не произнесла «моя дочь». Но Ирина знала: для Восс эти восемнадцать тысяч не отделялись от одного конкретного человека, ради которого она всё ещё соглашалась на риск.

— Мы не можем объявить объект безопасным и не станем обращаться с ним как с обычной неисправностью. Я не остановлю подготовку щита только из-за страха перед неизвестным. Но и запускать его, не разобравшись с тенью, не буду.

— Тогда придётся проверить проход изнутри, — сказал Тарен. — Ирина видит каркас. Я пойду с ней.

— Нет, — отрезала Восс.

— Если щит повлияет на объект, узнаем слишком поздно.

— Поэтому никаких самостоятельных испытаний.

— Я не собирался идти один.

— Меня беспокоит не только это. Страховка не превращает неизвестную среду в допустимый риск.

— Я пойду только с полным комплектом контроля, — сказал Тарен. — И только если сам решу, что условия приемлемы.

Восс посмотрела на него в упор.

— Вы считаете, раньше не решали?

Тарен выдержал её взгляд.

— Раньше я чаще решал, что должен вам.

Восс ответила не сразу. Затем перевела глаза на чёрный многогранник.

— Тогда в следующий раз решайте до того, как наденете страховочную систему.

Каден убрал физический модуль в защитный футляр. На экране по-прежнему висел один застывший кадр: ни дуги, ни креплений, ни следа от болта. Только узкая полоска тени, слишком длинная для предмета, который её отбрасывал.

— Ирина, — позвал Каден. — В семейном архиве сохранились записи Антона?

Она подняла голову.

— Да.

— Вы узнаете его голос?

— Конечно.

Ответ прозвучал быстрее, чем ей хотелось. Старые записи лежали в защищённой памяти её жилого модуля: семейные разговоры, обрывки праздников, короткие сообщения, которые Антон присылал, когда уезжал на техническое кольцо. Голос брата ждал её в них — лёгкая хрипотца на первом выдохе, мягкое «р», исчезавшее, когда он смеялся. В тех записях Ирина была младше на двенадцать лет, а Антон называл её Ирккой так, будто она могла в любую минуту выскользнуть за край кадра.

— Зачем ты спрашиваешь?

Каден отвёл взгляд от футляра.

— В архивной документации упоминается закрытый канал связи с техническим кольцом. Не знаю, уцелел ли передатчик.

— Ты говорил, что кольцо разрушено.

— Я говорил, что сигнала нет. Аппаратуру никто не проверял.

Восс резко повернулась к нему.

— Вы хотите сказать, что внутри объекта может работать старый канал?

— Я говорю лишь о том, что указано в отчёте.

— Тогда не называйте предположение находкой.

На панели системы контроля времени сменились цифры: 20:12. За два часа чёрный многогранник не сдвинулся ни на миллиметр. Никто не приближался к нему. Даже вентиляция, казалось, обходила лабораторный стол стороной.

Восс приказала отключить активные передатчики, оставив питание только на пассивных датчиках и записи. Тарен проверил разъёмы один за другим. Когда он отсоединил последний кабель, лаборатория погрузилась в более глубокую тишину: замолчали вентиляторы усилите-

лей, погасли полосы обратной связи на экранах. Остались низкий гул станции и редкое потрескивание металла в корпусе.

— Запись идёт? — спросила Восс.

— Идёт, — ответил Тарен.

Ирина стояла по другую сторону стола. Тень от многогранника больше не касалась калибровочной пластины. Она обрывалась у основания — короткая и плоская, какой и должна была быть у предмета размером с две ладони.

Каден склонился над изолирующей чашей, не касаясь стекла. Восс следила за шкалой независимого хранилища. Тарен замер у аварийного выключателя, оставив ладонь рядом с ним.

Часы сменились на 20:15.

Изнутри многогранника донёсся короткий сухой звук, будто ногтем провели по натянутой струне.

Все четверо обернулись.

Затем голос, негромкий и чуть хриплый, произнёс:

— Ирка, левее. Там дверь.

Ирина узнала его с первого слова. Рванулась к столу, но Тарен перехватил её за запястье. Не больно — крепко. Его свободная рука уже лежала возле аварийного выключателя.

Под крышкой терминала индикатор закрытого канала оставался серым. Тень по-прежнему лежала у основания чёрного многогранника.

Ирина открыла рот, но имя Антона так и не прозвучало.

В лаборатории больше ничего не произошло.

Голос из закрытого канала

— Исходную запись, — сказала Ирина.

Тарен всё ещё держал её за запястье. Его пальцы обхватывали руку поверх пульса — крепко, но бережно. Стоило Ирине повернуться к нему, он сразу разжал ладонь. На коже осталась светлая полоса.

— Какую именно? — спросил Каден.

Он продолжал склоняться над изолирующей чашей. Стекло бликовало на очках, скрывая его глаза.

— Ту, в которой голос Антона произнёс моё имя. Не пересказ, не копию из общего архива и не запись, которую ты заранее обработал. Исходный поток.

— В лаборатории есть независимое хранилище, — сказала Восс. — Оно записывает всё с момента включения.

— Оно сохраняет звук уже после того, как тот попал сюда. Я спрашиваю, откуда он пришёл.

Ирина не повысила голоса. В горле стоял сухой комок, и каждое слово царапало его изнутри. На экране рядом с чашей горел серый индикатор закрытого канала. Многогранник молчал; его плоская тень обрывалась у основания, не доходя до калибровочной пластины. Тарен теперь держал ладонь у аварийного выключателя, но смотрел не на него, а на лицо Ирины.

Каден снял очки и медленно протёр линзы краем рукава, словно тянул время. Пальцы у него слегка дрожали.

— Сначала нужно исключить акустический отклик помещения, — произнёс он. — Отражение могло...

— Нет.

Ирина шагнула к столу. Тарен не преградил ей дорогу, только перенёс ладонь на край панели, подальше от чаши.

— Ты слышал его. Он назвал меня так, как называл только Антон. Я не стану слушать объяснения про стены, пока не увижу исходные данные.

Каден снова надел очки. За линзами его взгляд казался усталым, почти беспомощным.

— Я могу открыть фрагмент из сводного журнала проекта.

— Не фрагмент.

— Ирина...

— Ты уже однажды решил за меня, какую часть прошлого мне можно знать.

В лаборатории щёлкнуло реле. Восс резко взглянула на индикаторы, но те не изменились. Тарен достал из кармана тонкую пластину независимого хранилища и протянул Ирине.

— Сначала снимем текущую запись, — сказал он. — Без обработки. Потом решим, какой архив трогать.

Голос звучал ровно, по-рабочему. Только большой палец, придерживавший пластину, коротко дёрнулся.

Ирина вставила носитель в изолированный разъём. На экране открылись два окна: поток лабораторного микрофона и запись независимого хранилища. Она сверила временные метки. Голос прозвучал в обоих каналах. Между коротким сухим звуком и словами не было ни пропуска, ни задержки.

— Сохрани обе дорожки, — сказала она. — И исходный шумовой фон. Ничего не фильтруй.

— Уже, — ответил Тарен.

Он отошёл к свободному терминалу и вывел звуковую волну на боковой экран. Ирина заметила, как он шуруется, вглядываясь в начало сигнала за колебаниями вентиляции.

— У тебя есть версия? — спросила она.

— Есть место, с которого можно начать.

Каден тем временем открыл другой терминал.

— Я подготовил выборку из общего архива. Вот запись аварийного канала «Тессеры», последняя доступная копия.

Ирина посмотрела на него.

— У тебя уже была подготовлена запись?

— Я хранитель архива. Подготовил её утром, когда ты запросила материалы по кольцу.

— Тогда показывай.

На экране появилась короткая дорожка с ровным серым фоном. Внизу мигнуло обозначение: «Сводная копия. 00:00:48».

Ирина не стала приближаться. Сначала взглянула на длительность, потом на Кадена.

— Сорок восемь секунд?

— В исходном наборе были служебные переговоры и дублирующие помехи. Я оставил фрагмент, относящийся к делу.

— Значит, запись обрезана.

— Это рабочая выборка.

— Мне нужна исходная.

Каден задержал палец над сенсорной панелью. Он мог возразить, что разницы нет, снова заговорить о служебных помехах. Вместо этого опустил руку.

— В общем архиве полной звуковой дорожки нет. Только сводный пакет.

— Тогда зачем ты предложил его вместо оригинала?

— Думал, так мы сэконоим время.

Ирина всмотрелась в короткую волну. Под ровным фоном угадывался стук — крошечный и аккуратный, слишком чистый.

— Ты вырезал часть перед голосом.

— Я убрал переговоры, не относящиеся к сигналу.

— Ты ещё не знал, что сигнал будет.

Каден помолчал. Восс перестала следить за шкалой и повернулась к нему.

— Где первичная запись? — спросила командор.

— В закрытом архиве проекта. Там хранится полная копия, если носитель пережил перенос.

— Ты говорил, что она уничтожена, — напомнила Ирина.

— Я сказал, что не нашёл её в сетевом разделе.

— Ты сказал именно: «Доступные оригиналы уничтожены при эвакуации».

Каден отвёл взгляд к многограннику. На его тёмной поверхности отражалась только белая полоса лабораторной лампы.

— Я мог выразиться точнее.

Тарен оторвался от спектрограммы.

— Это была не ошибка формулировки.

— Не начинай, — тихо сказал Каден.

— Я и не начинаю. Спрашиваю, сколько времени ты знал, что запись существует.

Каден снова снял очки. На этот раз он не стал протирать линзы.

Часы показывали 20:31. Всего пять минут назад голос произнёс: «Ирка, левее. Там дверь». Тень многогранника не сдвинулась. Индикатор закрытого канала не изменил цвета. Независимое хранилище продолжало записывать гул станции и дыхание четырёх человек.

Ирина придвинула к себе экран.

— Тарен, что ты нашёл?

Он переключил изображение. На звуковой дорожке проступили бледно-голубые частотные полосы. В основном шуме виднелись два коротких импульса, почти сливавшихся с фоновым потрескиванием металла.

— Вот они. До первой гласной и сразу после последнего слова.

— Щелчки?

— Не механические. Интервал слишком одинаковый. Послушайте.

Тарен включил фрагмент на низкой громкости. Раздались два мягких стука, затем голос Антона. После последнего слова прозвучали ещё два; второй почти утонул в гуле.

Ирина почувствовала, как свело челюсть.

— Что это?

— Сначала я решил, что наводка от лабораторного питания. Но она есть на обеих независимых дорожках и не повторяется в других звуках. У фильтра рисунок тот же, что у старого аварийного передатчика.

Каден медленно поднял голову.

— Какого передатчика?

— Аварийного ретранслятора кольца. Модель давно снята с вооружения. Внутренний маяк подавал короткий импульсный вызов, если магистральный канал обрывался. На «Пороге» таких уже нет.

Тарен увеличил спектрограмму и обвёл два импульса. Затем открыл чертёж технического кольца «Тессеры» — тот самый, по которому они сверяли болт TR-04-118. На схеме, возле сектора обслуживания, стоял маленький значок маяка.

— Вот место установки, — сказал он. — Между сервисным люком и старой кабельной шиной. Передатчик должен был связывать кольцо с внешним постом.

— Должен был? — переспросила Ирина.

— На штатной схеме — да. Но после аварии кольцо исчезло. Маяк вместе с ним.

Восс подошла к экрану, стараясь не задеть панель.

— Импульсы совпадают с моделью?

— Частично. Частота несущей старая, с провалом в конце каждого пакета. Вот эта неровность характерна для передатчика с повреждённым контактом. Современная аппаратура её убрала бы.

— Ты уверен?

— Уверен, что это не шум нашего оборудования. И рисунок совпадает с передатчиком кольца. А вот как он попал сюда, пока не знаю.

Ирина снова прослушала короткий фрагмент. В первый раз она слышала только слова. Теперь между ними проступал невнятный ритм, словно кто-то стучал в дверь из-за стены, не желая разбудить весь дом.

— Если сигнал пришёл по внешней линии, где должна быть линия? — спросила она.

Тарен указал на схему. Красная отметка маяка находилась внутри кольца, за границей станции.

— Отсюда путь шёл через сервисный узел. Но кольца нет, проводки нет, приёмника нет. Чтобы услышать передатчик снаружи, понадобился бы активный ретранслятор. Его не видно ни на карте станции, ни в журнале энергопотребления.

— Или сигнал записали заранее, а потом подали сюда, — сказал Каден.

— Тогда несущая была бы частью аудиофайла, — возразил Тарен. — А здесь она реагирует на голос. В середине слова частота проседает вместе с уровнем сигнала. Слышите?

— Можешь доказать это сейчас? — спросила Ирина.

Тарен коснулся края панели, будто сдерживал желание проверять настройки руками.

— Могу сравнить синхронность импульсов и голоса. Для точного анализа нужен оригинальный журнал аварии. Не сводная копия.

Каден сложил очки и убрал их в нагрудный карман.

— Архивный отсек физически изолирован. Если я открою оригинал, доступ будет записан.

— Пусть будет записан, — сказала Ирина.

— Там не только эта запись. В закрытом разделе хранятся служебные материалы проекта, в том числе мои распоряжения после аварии.

— Хорошо.

— Вей, сейчас не время разбирать архив на части, — произнесла Восс.

— Именно сейчас. Пока Каден ещё не решил, какую часть можно оставить.

— Я не решал за тебя, — сказал Каден. В его голосе появилась твёрдость, но последняя нота всё же сорвалась. — Я пытался удержать то, что оставалось от проекта.

— От проекта или от себя?

Он не ответил.

На столе рядом с чашей стоял забытый стакан Восс. Кофе давно остыл; тонкая плёнка дрогнула, когда командор взяла его. Она отпила, поморщилась, но стакан не поставила на прежнее место — отодвинула подальше от панели.

— Доступ к архиву открою я, — сказала Восс. — Но сначала один вопрос. Вы собираетесь отключать реактор?

— Ради проверки передатчика? — Тарен покачал головой. — Нет.

— Его уже предлагали отключить, — сказала Ирина. — В регламенте безопасности лаборатории.

— Это формальная причина. Запрет связан не с чашей и не с многогранником. Реактор нельзя выводить из контура, пока идёт подготовка накопителей орбитального щита.

Разговор смолк. Вентиляторы усилителей давно не работали, и тишину теперь нечем было заполнить.

— Щит запускается в День 4, в восемнадцать ноль-ноль, — продолжила Восс. — На зарядку и проверку нужен непрерывный профиль мощности. Короткое отключение не обнулит работу, но отнимет резерв. Если мы опоздаем с запуском, Новый Арал останется без защиты.

Восемнадцать тысяч жителей. Ирина вспомнила число из утреннего брифинга: там оно стояло рядом с диаграммами и сухими прогнозами, словно речь шла о вместимости хранилища.

— Значит, реактор останется включённым.

— Да.

— А если объект меняет форму в зависимости от нагрузки?

— Будем изучать его при работающем реакторе.

— А если для входа придётся остановить контур?

— Тогда вы не войдёте.

Восс произнесла это без угрозы. Потому ответ прозвучал окончательным.

Тарен посмотрел на неё.

— Ты не можешь гарантировать, что объект не откроется сам.

— Могу гарантировать, что не позволю вам отключить реактор и поставить под удар щит.

— Об этом никто не просил.

— Пока.

Ирина встретила взглядом с командором. На миг в лице Восс проступило что-то личное — не сомнение, а усталость человека, слишком хорошо знающего цену неверного решения. Затем она отвернулась к терминалу.

— Каден, открывай архив. Я подтверждаю доступ. Тарен, работай только с копией, пока не сверим контрольную сумму.

— Понял.

— Ирина, ты не будешь трогать объект без моего разрешения.

— Я не просила разрешения.

Восс застыла с пальцами над панелью. Каден смотрел в пол. Тарен не вмешался, но придвинулся к Ирине так близко, что его плечо почти коснулось её.

Восс всё же ввела код.

— Тогда хотя бы не заставляй меня выбирать между станцией и тобой.

Ирина промолчала. В этих словах слышался не приказ, а просьба, которую командор не позволяла себе произнести вслух.

Кода Восс оказалось недостаточно. Система потребовала подтвердить личность Кадена, ввести командорский код, а затем согласиться на создание неизменяемого журнала просмотра. Каден подписал последнюю строку дрожащей рукой. Тарен настаивал, что копировать запись нужно только через аппарат с блокировкой записи; Каден ответил, что такой аппарат хранится в холодном архиве и не подключён к лабораторной сети.

В лаборатории они задержались ещё надолго. Тарен сверил текущую запись с независимым хранилищем, Ирина внесла в журнал контрольные отметки, а Восс отправила запрос на сопровождение к архивному узлу и дождалась подтверждения. Оформление доступа и проверка данных заняли больше двух часов. Никто не возвращался к голосу: в нём и без того слишком тесно переплелись имя, которого не должно было прозвучать, и путь, которого не существовало.

В 22:41 изоляционная дверь лаборатории открылась. Каден вышел первым, за ним — Восс, Ирина и Тарен. Многогранник остался под прозрачным колпаком, в круге ровного белого света. Перед тем как дверь закрылась, Ирина оглянулась на его тень. Та по-прежнему лежала у основания.

Тарен шёл рядом — не впереди и не позади. На поворотах он привычно проверял индикаторы давления в дверных рамах. У лифта Ирина остановилась поправить ремешок на рукаве. Тарен молча протянул ей защёлку, которую она не заметила.

— Спасибо.

— Держалась за неё всю дорогу.

Ирина посмотрела на свою руку. В пальцах и правда застрял пластиковый язычок от упаковки носителя, который она сжимала ещё в лаборатории. Она разжала ладонь. Пластик оставил на коже красный след.

— Не заметила.

— Я заметил.

В лифте Восс стояла между ними и Каденом. На стенном экране без звука прокручивались показатели реактора. График оставался ровным, а ниже отсчитывалось время до запуска щита: шестьдесят семь часов с небольшим. Ирина смотрела на цифры, пока двери не разошлись.

Архивный отсек встретил их сухим холодом и запахом чистого металла. Здесь не было окон — только ряды шкафов с запечатанными кассетами и несколько считывателей в отдельных нишах. Каден подошёл к дальнему шкафу, приложил ладонь к сенсору и дождался, пока замок отщёлкнется.

Внутри лежал плоский керамический картридж с маркировкой проекта «Тессера». На краю сохранилась красная полоса — выцветшая, но всё ещё заметная.

— Полная аварийная копия? — спросила Ирина.

— Звуковой поток, телеметрия, журнал доступа и сырая регистрация внутреннего передатчика. Всё, что уцелело при эвакуации.

— Ты говорил, что её не осталось.

Каден задержал пальцы над картриджем.

— Я говорил, что не нашёл её в доступном разделе.

— Ты снова прячешься за формулировкой.

— Да, — сказал он. — Прячусь.

На этот раз он не стал оправдываться. Аккуратно перенёс картридж к считывателю и установил в лоток. Тарен подключил автономный модуль копирования. На экране появилась строка: «Запись без возможности изменения. Ожидаемая длительность проверки — 00:19:40».

— Двадцать минут, — сказал Тарен. — Не ускорять.

— Я и не собирался, — отозвался Каден.

Механизм считывателя тихо заработал. Ирина села на узкий стул у стены; металл промялся под ней с тихим скрипом. Она достала бумажную салфетку и провела ею по пальцам, словно красный след от пластика можно было стереть с кожи. Тарен стоял у считывателя, положив обе ладони на край консоли. Восс устроилась напротив и следила за статусом доступа. Каден так и не сел.

Когда проверка завершилась, Тарен вывел звуковую дорожку на автономный экран. Запись была старой, с провалами и неровным фоном. В ней звучали короткие доклады, глухие удары, чьё-то дыхание — и вдруг два сухих импульса.

Тарен не коснулся громкости.

— Совпадает, — сказал он. — Тот же интервал. Та же просадка несущей.

Он сравнил старый сигнал с сегодняшним. Две голубые линии почти легли одна на другую, но совпадали не идеально: в нынешней записи импульс был чуть длиннее, словно передатчик с трудом удерживал частоту.

— У старого маяка был автономный элемент питания, — сказал Тарен. — Он мог работать после разрыва кабеля, но не двенадцать лет.

— Если передатчик внутри объекта, источник питания мог быть другим, — произнесла Ирина.

— Или записи связаны не так, как мы думаем, — заметил Каден. — Возможно, текущий сигнал воспроизводит старый аварийный канал.

— Ты говорил, что голос реагировал на обстановку, — напомнил Тарен.

— Я не знаю, что именно мы слышали.

— Голос звучал в лаборатории сегодня, отдельно от архива, — сказала Ирина. — Он попал в оба независимых канала. Если это воспроизведение, многогранник выдавал его в реальном времени.

Каден приблизился к экрану. Плечи у него опустились, словно он наконец перестал держать на них весь вес разговора.

— Открой журнал происшествий, — попросила Ирина. — Не сводную версию.

На экране появился текстовый ряд. Большую часть строк перечёркивали отметки поздней редакции. Тарен увеличил область у времени последнего сигнала. Среди технических обозначений нашлась короткая запись, сделанная от руки:

«Аварийный передатчик технического кольца. Несущая зарегистрирована на внутреннем контуре. Внешнего вызова нет».

Ниже стояла другая пометка, почти стёртая:

«Повторный голосовой сигнал. Источник не установлен. Не выводить на общий канал».

Ирина наклонилась к экрану. Слово «повторный» не поместилось в строке и было вписано сбоку другой рукой.

— Кто это отметил?

— Я, — ответил Каден.

Она медленно повернулась к нему.

— Ты слышал такой же сигнал во время катастрофы.

— Да.

— И не сказал мне.

— Да.

На этот раз он не стал ничего уточнять.

Восс отвела взгляд от экрана. Тарен замер, только ладонь сильнее прижалась к краю консоли.

— Он не мог прийти снаружи, — сказала Ирина.

Каден помолчал.

— Нет. Не мог. Передатчик находился в исчезнувшем кольце. Мы проверили внешние приёмники, станционные ретрансляторы и каналы связи с орбитой. Сигнал пришёл по внутреннему контуру кольца. Тогда мы назвали его обратной связью.

— А сейчас?

— Сейчас я не могу назвать его обратной связью.

— Почему ты вырезал этот фрагмент из сводной копии?

Каден опустил глаза на руки. На костяшках проступали старые пигментные пятна, кожа казалась тонкой, почти прозрачной.

— Я не знал, что именно вы услышите сегодня. И в полной записи есть эта пометка.

— Ты боялся, что она докажет, будто Антон был внутри?

— Нет. Я боялся, что она ничего не докажет. Что вы пойдёте туда за голосом и не вернётесь.

— Ты решил оставить меня в неведении ради моей безопасности?

— Ради своей, — тихо произнёс Каден. — Я уже однажды сказал себе, что удерживаю ситуацию. Потом подписал отчёт, в котором не было последних секунд Антона. Мне легче было думать, будто я спасаю тебя от ещё одной невозможной версии.

Ирина встала. Стул за её спиной коротко скрипнул по полу.

— Ты не спас меня. Ты просто сделал так, что мне пришлось сомневаться в собственной памяти вместо того, чтобы сомневаться в твоём отчёте.

— Я знаю.

— Нет. Ты знаешь, что солгал. Это не одно и то же.

Каден принял её слова без защиты. От этого Ирине стало хуже, чем если бы он начал спорить.

Тарен увеличил участок записи с повторным голосовым сигналом. В конце дорожки, за словами, не было ни ответа, ни помехи — только два коротких импульса старого передатчика.

— Снаружи сигнала не было, — сказал он. — В архиве зафиксировано то же самое, что мы слышим сейчас.

— Значит, голос шёл из кольца, — произнесла Ирина. — Из пространства, которое вернулось вместе с многогранником.

— Или из того, что многогранник открывает, — поправил Тарен. — Это разные вещи.

— Я знаю.

Он взглянул на неё. В этом взгляде не было попытки отговорить или убедить — только вопрос: что она собирается делать с тем, что теперь знает?

Восс выключила экран с текстовым журналом, оставив звуковую дорожку.

— Вы не войдёте внутрь без подготовки.

— Подготовимся.

— И реактор не отключим. Ни на минуту.

— Не отключим.

— Я ещё не дала разрешения на вход.

— Ты и не дашь.

Восс поднялась. На мгновение Ирина увидела в ней не командора станции, а мать, которая мысленно перебирает способы уберечь дочь за тысячи километров отсюда. Потом Восс застегнула ворот формы и снова стала командором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.